

А. Н. МАЙКОВ

ПИСЬМА

Публикация И. Г. Ямпольского

В «Ежегоднике Рукописного отдела на 1975 год» были напечатаны письма А. Н. Майкова 1847—1867 гг. В настоящем выпуске публикуются (за исключением первого из них) письма 1866—1890 гг.

Майков нередко писал друзьям и знакомым о собственном творчестве, об отдельных своих произведениях. Так, например, он сообщает П. М. Цейдлеру о своей работе над трагедией «Два мира» (речь идет о редакции 1872 г.), о задачах, которые он перед собою ставил, о трудностях, с которыми сталкивался, и раскрывает некоторые детали, интересные для психологии творчества (письма 7 и 8).

Многие литературные суждения Майкова тесно переплетаются с его социально-историческими взглядами. Он долго работал над поэмой «Княжна» (1874—1876) и придавал ей большое значение. В письме к О. Ф. Миллеру (письмо 10) Майков подчеркивает, что смысл ее не ограничивается случайным эпизодом («в этой поэме в *малом* дано *очень много*»), что в ней показаны судьбы дворянской России с ее грехами и историческими заслугами. Миллер весьма сдержанно отнесся к поэме и ссылаясь при этом на мнение двух студентов. Оспаривая его оценку, Майков с запальчивостью утверждает, что мнение этих «семинаристов» не заслуживает внимания: они совершенно не знают дворянской России, лишены исторического чутья и чужды «отеческих преданий».

В письме интересны также рассуждения Майкова о трагическом начале, об индивидуальных характеристиках героев, которые «рисуются из их языка», о самом тоне повествования (ироническом по отношению к светскому обществу), о рифмах и проч. Особенно примечательно замечание Майкова в ответ на слова Миллера, что сюжета поэмы «хватит на трагедию». Поэт возражает ему следующим образом: «... поэтические вещи *рождаются в своей форме*, и вся эта штука у меня и первоначально мерещилась в этой форме, в октаве, и все развитие, ход рассказа» (это подтверждается многочисленными черновиками). Он отводит замечание Мил-

лера относительно трагедии «Два мира»: «Вы ссылаетесь на „Два мира“: а разве можно исправить в нем безобразия его постройки — несколько маленьких сцен и громадный, из эпизодов состоящий пир, и в конце — прения о вере? Это безобразно, но так надо, по *внутреннему закону*. И здесь тоже». Мысль Майкова, что та или иная форма не прискивается к содержанию, к идее, а рождается у художника вместе с ними, если и не имеет универсального характера, то заслуживает серьезного внимания, во всяком случае как свидетельство поэта о своей творческой практике.

В самом раннем из публикуемых писем Майков делится со своим корреспондентом, Н. Ф. Щербиной, соображениями о жанре антологического стихотворения. Как известно, в начале своей литературной деятельности он прославился и был оценен критикой именно как автор антологических стихотворений. Но скоро после этого Майков вышел за рамки антологической лирики, и его искания шли в разных направлениях. Характерно, однако, что и антологическую лирику он стал понимать не как простое воспроизведение духа древнегреческой поэзии или подражание ее образцам, а как выражение внутреннего мира, чувств и раздумий современного человека в безыскусственных формах, в «наивной» манере этой поэзии. Такое понимание отразилось в рецензии на первый сборник Щербины «Греческие стихотворения» (1850), а также в письме к нему — в своеобразных советах и предостережениях. Но вместе с тем это и мысли о самом себе. «Одно только скажу, — пишет Майков, — не изолируйтесь очень в греческую жизнь. У Греков нужно только учиться форме для внесения в мир собственных созданий; я ужасно не люблю, когда меня назовут педантом или схоластиком, а чувствую, что сам иногда был схоластиком прежних лет, ибо говорил словами, образами и чувствами чуждых нам людей — и веков». Последнее признание весьма существенно, но не следует все же понимать его буквально и принимать за исчерпывающую характеристику раннего творчества Майкова. Скорее оно лишь намечает общие тенденции развития его поэзии; то, что подсудно присутствовало и раньше, было впоследствии ясно осознано.

Майков принадлежит к числу писателей, много думавших не только о собственном творчестве, но и о путях развития русской литературы в целом, причем его мысли не замыкались в пределах самой литературы. Испытывая в самом начале 1870-х годов некий кризис, неуверенность в своих силах, отмечая, что «иссяк ключ, пропала дерзость мысли; нет желания, нет зуда», что «все написанное прежде противно», Майков в письме к П. М. Цейдлеру (письмо 5) стремится связать свои сомнения с тем, что наблюдает в литературе этого времени. И тут в сознании Майкова являются на первом плане Тургенев и Лев Толстой, как представители противоположных тенденций. «Не имеет ли это бессилие более общее значение? — пишет он. — Не у меня одного оно, кажется, заметно. Не значит ли оно, что тот путь, по которому пошла изящная литература, уже уперся в стену? С появления Тургенева мы ушли в себя и мир наших личных созерцаний, личных чувств, недостатков сделали областью искусства, т. е. свою личную скудость <...> История и народное, более широкое, христианское воззрение забыто. Л. Толстой окунулся в этот океан — и вынес нечто прочное. Сравни с „Войной и миром“ то, что пи-

шет Писемский, Гончаров — старых щей да пожиге влей. Я это, положим, инстинктивно чувствовал — и увлекся в мир народной поэзии — достал оттуда „Слово о полку Игореве“ и „Бальдура“: но или сил не хватило, или это никому не нужно». В этом взгляде на Толстого сказалась немалая прозорливость Майкова. Стихия народной жизни, народной поэзии, народных идеалов наряду с проникновением в историческое прошлое России — вот что может, по его мнению, вывести литературу на новый путь. В этих раздумьях Майкова отразился дух времени, и небезразличны совпадения в мыслях с литературными деятелями чуждого ему лагеря, хотя, конечно, в понятие «народное» (народное сознание, народная жизнь) они вкладывали разное содержание.¹

Майков не раз обращался и к прошлому русской литературы. В письме к О. Ф. Миллеру 1871 г. (письмо 6) поэт резко полемизирует с ним по поводу литературы XVIII в., а через его голову с Белинским, с его мыслями о двух направлениях — «сатирическом» и «реторическом», или «идеальном», понятыми при этом слишком прямолинейно. Первое из них Белинский считал главным и наиболее плодотворным для дальнейшего развития русской литературы. Эта точка зрения отразилась и в литературных суждениях Чернышевского и Добролюбова. О направлении, «которое называется сатирическим», Чернышевский писал, например, в «Очерках гоголевского периода», что оно «всегда составляло самую живую, или, лучше сказать, единственную живую, сторону нашей литературы».² И поэтому в не меньшей степени, чем к Миллеру, негодующие слова Майкова относятся к революционным демократам.

Разумеется, во взглядах и оценках Белинского, Чернышевского и Добролюбова многое объясняется теми конкретными задачами, которые они ставили перед современной литературой и литературной борьбой их времени.³ Но необходимо отметить, что и полемика Майкова также исходила из его социально-исторической концепции. Он был, так сказать, «государственником», и интересы государства совпадали в его сознании с интересами народа.

Мы не знаем в подробностях, какой разговор предшествовал письму, что именно и в какой форме утверждал Миллер. Майков упрекает его в том, что из эстетика он превратился в последователя Чернышевского и Добролюбова (это было, конечно, далеко от истины), «развившихся из второй половины деятельности Белинского». Он считает взгляд Миллера узким, потому что одно отрицание неспособно «возбуждать чувства добрые»; «нравственного улучшения, силы бороться, идеала <...> куда стремиться, во имя чего терпеть, во имя чего болеть, — сатира не дает», а выработка идеала — достояние других видов литературы. Майков отвергает

¹ Раздумья Майкова интересно сопоставить с тем, что скоро после этого (3 марта 1872 г.) писал Н. Н. Страхову сам Толстой (Полн. собр. соч., т. 61. М., 1953, с. 274—275).

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, с. 17.

³ Об их взглядах на литературу XVIII в. см.: Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века, ч. 1. Очерк литературной историографии XVIII века. Л., 1964; Пехтелев И. Г. Белинский — историк русской литературы. Изд. 2-е. М., 1961.

слова Миллера, что у Ломоносова — всё риторика, что у Державина, как и во всей литературе XVIII в., только то и хорошо, что сатира. Он признает законность сатиры, но как чего-то второстепенного: «Вот когда это сделано, т. е. положен краеугольный камень и создан храм, тогда давайте швабры и метлы, гоните трубочистов чистить трубы — давайте сатириков». Сатирики, как это следует из рассуждений Майкова, должны быть помощниками верховной власти, высмеивать отдельные отрицательные недостатки «храма» (государства, социального строя), а не посягать на его основы. Иначе говоря, сатире отводится та роль, против которой решительно возражал Добролюбов. Из письма совершенно очевидно, что спор выходил за пределы литературы. Майков обвиняет, например, Миллера в том, что он «укрепляет отрицательное отношение к жизни и истории».

Вместе с тем в письме есть много справедливых слов о Ломоносове, о его огромном значении в истории России и русской культуры. Имеются и тонкие частные замечания, например, что в одах Ломоносова поучения царям давались «в форме похвал», т. е. рисовался не подлинный портрет, а идеальный образ монарха. Или другое утверждение Майкова: то, что являлось достоянием духовных писателей, было, так сказать, секуляризовано Ломоносовым и Державиным, и тем самым «положено основание всей прелестной поэзии нашей».⁴

В письмах, как мы уже видели, отразились консервативные политические взгляды Майкова. Можно указать и на его рассуждение о «русских Инсаровых» в том же письме к Миллеру. Самое понятие «русские Инсаровы» восходит к статье Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» о романе Тургенева «Накануне» и затем нередко употреблялось как иносказательное обозначение русских революционеров. Майков упрекает Миллера в том, что он идет по стопам Добролюбова и «советует русским девушкам «бегать не с болгарскими, а с русскими Инсаровыми».⁵ Между тем, по его словам, «истинным русским Инсаровым нечего бунтовать, им нужно *работать, работать и работать* каждому на своем поле <...> И эти Инсаровы — и в науке, и в литературе, и в торговле, и может быть... очень высоко». Во второй половине 1850-х годов, в годы подъема общественного движения, Майков признал свои восхваления Николая I глубоким заблуждением («я был просто дурак, когда видел что-то великое в Николае»⁶), но затем снова вернулся к положительной оценке его царствования (см. письмо 9), считая, что он понимал историческую миссию России и был близок к решению «восточного вопроса».

⁴ Отмечу попутно, что споры Майкова и Миллера о главном пафосе русской литературы, разумеется в сильно модифицированном виде и перенесенные из XVIII в. XIX в., продолжают и в наши дни. См., например, статьи В. Кожина, В. Марковича, Н. Скатова и Б. Бялика в журнале «Вопросы литературы» (1978, № 9; 1979, № 2, 4).

⁵ Интересно, что в публичных лекциях О. Миллера «Об общественных типах в повестях И. С. Тургенева», прочитанных за несколько месяцев до этого — в марте 1871 г., есть прямая ссылка на «блистательную статью покойного Добролюбова» (Беседа, 1871, № 12, с. 247).

⁶ Голос минувшего, 1919, № 1—4, с. 107 (запись в дневнике Я. П. Полонского от 6 декабря 1855 г.).

Пережив существенную идейную эволюцию, Майков по разным поводам мысленно обращался к своей молодости, иногда для того, чтобы убедить себя в том, что он и тогда думал примерно так же. Прочитав в статьях А. М. Скабичевского, что его брат Валериан — известный критик и публицист 1840-х годов — развивал идеи космополитизма, Майков не без тревоги спрашивает П. М. Цейдлера (см. письмо 7): что они тогда читали, откуда заимствовали эти мысли, каков он сам был в это время и что они о нем думали? Ответ Цейдлера, который тоже пережил аналогичную эволюцию, что космополитическое, общечеловеческое не противопоставлялось в их сознании национальному, патристическому, что в его произведениях того времени и Валериан Майков и Цейдлер не видели ничего чуждого их идеям, по-видимому, успокоил Майкова, и он больше не возвращался к этому вопросу.

К Майкову нередко обращались начинающие поэты с просьбой оценить их произведения, решить, есть ли у них поэтическое дарование, следует ли им и дальше писать и т. д. Даже сочувственно отзываясь об их стихах, Майков предостерегал их от профессионализации, от того, чтобы делать поэзию источником своего существования (см. письма 17 и 18). «Не основывайте Вашего благосостояния на поэзии, — настойчиво советовал он. — Раз заставите Вы Музу готовить Вам кушанье, она озлится и уйдет. Хорошо еще, если не надсмеется над Вами. Если у Вас окажется поэтическое дарование, оно скажется само собою, чем бы Вы ни занимались». И другому лицу: «Особенно поэзия чутка на этот счет. Не верьте ей — обманщица и губительница. Впрочем, с своей точки зрения она и права, ибо ни за что не допустит запретить себя в плуг как вола или извозчицью лошадь в дрожки, чтобы работать для Вашего прокормления и „доставления славы“ и, конечно, — денег». Майков ссылался при этом и на собственный опыт: «Мои насущные потребности удовлетворяла служба, а поэзия очень мало к тому прибавляла».⁷

Кроме того, работа «в избранной специальности труда», по словам Майкова, много дает поэту, так или иначе оплодотворяет поэзию: «...специальность, сводя вас с людьми, вырабатывает и в вас характер и независимый образ мыслей и знакомит с людьми, с психологией человечества, вводя вас в соприкосновение с общею жизнью» (аналогичные мысли и в письме 15).

Нужно отметить вместе с тем одну характерную черту в подобных советах Майкова. Предостережения от профессионализации иногда перемежались у него рассуждениями об утилитарных целях, губительно действующих на поэта: «...я никогда ни одного стиха не написал с какой-нибудь утилитарной целью; мне весело было, мучительно весело, рисовать образы, улавливать тайные движения сердца, делать ясными и видимыми сокровенные явления души. Всю жизнь свою я шел наперекор господствующим направлениям в обществе и в литературе, никогда не соблазнившись тем, что иной, противоположный, образ действия был бы гораздо выгоднее». Майков справедливо возражал против плоской утили-

⁷ Это было именно так, но в зрелые годы Майков все же весьма тяготился службой.

тарности, противопоставленной подлинной поэзии. Но в его высказывании не менее существенно и нечто другое — то содержание, которое он вкладывал в слова «господствующие направления в обществе и литературе». А речь шла здесь бесспорно о демократических течениях русской литературы и общественной мысли, об идеях социально направленного искусства, противостоящего так называемой «чистой поэзии».

Обращают на себя внимание размышления Майкова о народном стихе в письме к Я. П. Полонскому 1887 г. (письмо 13). Природа народного стиха и его судьба в будущем русской поэзии издавна интересовали его. Еще в 1850-х годах — в связи с «Песней про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую» Л. А. Мей — Майков высказал свои соображения по этому вопросу в письме к тому же Полонскому.⁸

Отмечу в заключение еще одно письмо к Полонскому — от 19 апреля 1888 г. (письмо 14). В связи с предполагавшимся в Обществе любителей российской словесности чтением поэмы Майкова «Брингильда» он говорит о чтении стихов вообще. И здесь, и в других письмах Майков неизменно с неприязнью отзывается о манере скандировать стихи, которая своей монотонностью затупевывает их внутренний смысл и лишает ритмической выразительности. Поэт много раз писал об этом. Так, в 1882 г., посылая С. Д. Яновскому последнюю редакцию трагедии «Два мира», он предостерегает: «Только будете читать, то читайте как я — и пожалуй, как Сальвини — т. е. не скандуя стиха, не напирая на рифмы, а следуя только логическому ударению и психическому настроению лица. Пусть некоторые стихи будут казаться прозаическими: они нужны таковыми. они нарочно прозаические. Нет ничего легче все стихи до одного сделать звонкими, звучными и заливающимися гармонией — ничего нет легче — но — прощай характеры, особенности лиц по воспитанью, образованию, душевному строю, и пр. <...> Читать надо просто и верно, с положением и настроением, немножко представлять, но очень немножко, только как бы давая интонацию актерам <...> А представьте, в самом деле, мое удовольствие, когда мои (да многие другие), возвратясь с представления Сальвини, все в один голос мне заявляют, что у него моя манера чтения стихов».⁹ А через много лет, в связи с чтением у Энгельгардта поэмы «Княжна», он пишет сыну Аполлону: «Один недостаток: надо уметь ее читать! Впрочем, и все надо уметь прочесть. И тут уж не автор виноват, а читатель, так же как и хороший актер, должен понять нюансы и интонации. Когда пишешь — ведь и играешь вместе, т. е. творишь и мысли, и тон, и краски, и все оттенки, т. е. жизнь того, что изображаешь».¹⁰ В примечаниях к письму 14 я считал целесообразным собрать и другие высказывания Майкова о чтении стихов, извлеченные из неопубликованных писем, а также свидетельства современников о его собственной манере чтения.

Часть писем печатается по черновикам.

⁸ См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 103—104, 106—107.

⁹ ИРЛИ, ф. 168, № 16700, л. 2—2 об.

¹⁰ Там же, № 17892и, л. 82 об.

Я наконец и не знаю теперь, почтеннейший Николай Федорович, как и начать Вам мое письмо. Стыд и срам! до сих пор не мог победить мою беспечность исполнить для Вас Ваше желание, на что в первый день я бросился было с большим жаром, переписал «Алкивиада», да и отвлекся. Теперь пора летняя, а летом у меня никогда перо в руках не бывало, ибо соблазн великий представляет мне озеро с рыбой и удочка. Но откладывать более из рук вон скверно; Вы, вероятно, воздали мне должное, т. е. поругали порядком, ну да и за дело, стбю того, ей-богу, стбю. Только поверьте мне, что не отвечал я Вам от нерадивости и беспечности, а не от чего другого. К этому присоедините еще вот какое обстоятельство — я никогда не писал писем, даже из-за границы к родителям, почему писем писать не умею, хотя очень люблю получать их. Это, конечно, происходит от некоторой сосредоточенности моего характера, хотя, впрочем, в беседе (где нет для меня людей антипатичных) я буду очень общителен.

Решительно не могу продолжать моего письма. Мне кажется, что у Вас сборник уж готов, все кончено, я опоздал, и Вы, не прочтя моих строк, кинете их в сторону, обругав меня по достоинству. Зачем я не дал Данилевскому² стихов? Право бы, было лучше. Ну да уж нечего делать, успокоюсь как-нибудь. Вы спрашиваете меня об Ваших стихотворениях — действительно, «Москвитянин» редкость в Петербурге, что очень жаль, но когда этот журнал-невидимка попадает мне в руки, то первое я ищу, нет ли Ваших стихов.³ Из таковых попадалось мне немного, и чтобы сказать Вам об них что-нибудь, кроме общих похвал, надобно бы было мне прочесть их вместе, разом, да и подумать. Ведь общих мест Вы мне, вероятно, не простите. Помню только, что были пьесы, которые мне очень нравились, а какие, сказать не могу, и Вы не сердитесь на меня — ведь когда-нибудь Вы их сберете да и напечатаете, и тогда обязуюсь я сказать мое мнение.⁴ Одно только скажу — не изолируйтесь очень в греческую жизнь. У Греков нужно только учиться форме для внесения в мир собственных созданий; я ужасно не люблю, когда меня назовут педантом или схоластиком, а чувствую, что сам иногда был схоластиком прежних лет, ибо говорил словами, образами и чувствами чуждых нам людей — и веков. Впрочем, все это Вам, верно, не ново — в Вас есть талант и поэтический такт, который не позволит Вам удариться в крайность.⁵ Что сказать Вам о Петербургской литературе? да Вы ее лучше меня, верно, знаете — Вы ведь читаете журналы; я бы сказал об ней, если бы меня спросили, что ее нет; есть фабрики статей и прочего хламу, а литературы нет; вот Москва, кажется мне издали по крайней мере, имеет некоторый

кружок, где литературные вопросы имеют значение, но, может быть, это только кажется издали. Вообще ужасно скверно жить при таком отсутствии движения мысли. Выходишь совсем изолированным человеком, что имеет свои хорошие стороны, конечно, а именно — независимость от литературных авторитетов, что есть благо немалое, когда знаешь, кто эти авторитеты и от них ли ждать слова живого. Поставьте себя на эту степень, и Вы увидите, как Вы станете выше (с философской точки) этого мира мелких взглядов. Одно горе: ничто не побуждает писать для печати — я и от этого отказался и решил писать только для своего портфеля, но оттого и обходишь более серьезные мысли, требующие больших рамок, и не отделяешь как должно что напишешь. Поэтому-то мне трудно присоединить что-нибудь к «Алкивиаду». особенно летом, по вышеизложенным причинам. Об «Алкивиаде» же скажите цензору, что его здесь Фрейганг⁶ уже не пропустил, то пусть московский цензор (если есть время) внесет в Главное правление цензуры, а там уж обещали пропустить — так велел мне написать к Вам Абрам Сергеевич Норов.^{а,7} Рад бы исполнить я Ваше поручение, но Никитенко нет в Петербурге. Одовский в Выборге, и у Плетнева я не был уже с полгода и поэтому не могу к нему собраться — совестно, хотя он хороший человек. Оттого и совестно.⁸ Но уж не слишком ли много я Вам написал? Пора уже кончить, да, пожалуй, Вы и не разберете моей руки. До свидания — ибо, может быть, как-нибудь соберусь в Москву. А Вы не сердитесь на меня и, пожалуйста, если вздумаете, напишите, хотя то, что Вы не сердитесь на меня и прощаете. Итак — может быть — до свидания.

Искренне любящий Вас

А. Майков.

Анахронизм^ы в этой пьесе я себе прощаю, а потому и Вы их простите.⁶

Шифр письма: ф. 351, № 7076. Письма Щербины к Майкову: ф. 168, № 16982.

Щербина Николай Федорович (1821—1869) — поэт, примыкавший к школе «чистого искусства», автор антологических стихотворений и распространявшихся в списках язвительных эпиграмм. Его первый сборник «Греческие стихотворения» вышел в Одессе в 1850 г.

¹ Это ответ на письмо Щербины от 10 мая 1853 г. Щербина просил прислать для задуманного им альманаха «Железная дорога» «Алкивиада» и несколько других стихотворений Майкова. Альманах не был издан.

² О Г. П. Данилевском см. в настоящем выпуске, с. 129. 3 апреля 1853 г. Щербина писал Данилевскому: «Попросите от моего имени стихотворений у А. Н. Майкова, Я. П. Полонского <...> Не достанете хоть небольших статей в прозе у Ваших и наших общих знакомых» (Д а н и

^а Когда пойдет в Главное правление цензуры, Вы меня уведомьте, и я приму свои меры. (Примеч. А. Н. Майкова).

⁶ Далее следует текст стихотворения «Алкивиад».

левский Г. Из литературных воспоминаний. Н. Ф. Щербина. — Исторический вестник, 1891, № 1, с. 42).

³ «Москвитянин» — журнал консервативного направления, издававшийся в 1841—1856 гг. под редакцией М. П. Погодина. В начале 1850-х годов в «Москвитянин» появилось много стихотворений Щербины. О своем сотрудничестве в «Москвитянин» поэт писал Н. Д. Хвощинской 19 августа 1853 г.: «Я печатался в „Москвитянин“ *единственно только потому*, что мне неудобно было печататься в петербургских журналах за отсутствием мощи в Петербурге, что в „Москвитянин“ я был сам лично корректором и редактором своих стихотворений, не позволяя печатать испорченного или неудачного своего стихотворения и лично бывал у цензора, когда они цензуровались: за месяц вперед до выхода книжки журнала мог в корректурных листах делать замены и поправки по ценсурному указанию. Только на одном основании этих удобств я и печатал в „Москвитянин“» (Русский библиофил, 1914, № 4, с. 20).

⁴ «Стихотворения Николая Щербины» в двух небольших томах вышли в Петербурге в 1857 г.

⁵ Эти советы Майкова перекликаются с тем, что он писал еще в 1850 г. в рецензии на «Греческие стихотворения»: «Прочтя это («Скрытая страсть», — И. Я.) и другие стихотворения г. Щербины, всякий скажет, что они рисуют древний мир, веют атмосферой древней безоблачной Греции. Это, конечно, справедливо; но просим вслед за тем слышать эти стихотворения с самыми цветами древней поэзии в этом роде — и вы увидите, что, кроме формы и обстановки, общего ничего нет. Эта субъективность, эта способность отдавать себе отчет в каждом впечатлении души, эта, если угодно, *разумность* впечатления, разумность жизни есть произведение нового мира; кроме внешних чувств, которыми мы приходим в соприкосновение с внешним миром, христианство открыло в нас внутреннее, духовное око, которое вместе видит и размышляет, чувствует и помнит» (Отечественные записки, 1850, № 6, с. 65).

⁶ Фрейганг Андрей Иванович (род. 1805) — цензор Петербургского цензурного комитета.

⁷ Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — в 1850—1854 гг. товарищ министра народного просвещения; с апреля 1853 г. в связи с болезнью П. А. Ширинского-Шихматова исполнял обязанности министра, а в 1854—1858 гг. был министром. Цензура находилась тогда в ведении Министерства народного просвещения.

⁸ Одоевский Владимир Федорович (1803—1869) — писатель, музыкальный критик и либеральный общественный деятель; Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — литературный критик и историк литературы. Щербина писал Майкову: «Обязжете еще меня тем, что постарайтесь достать, если можно, статьи от А. В. Никитенко, П. А. Плетнева: у них, можно предположить, найдутся какие-нибудь статьи по части истории русской литературы <...> Передайте мой поклон и чувства уважения П. А. Плетневу, А. В. Никитенку и князю Владимиру Федоровичу Одоевскому» (ф. 168, № 16982, л. 2—2 об.). Об А. В. Никитенко см. наст. выпуск, с. 141.

2

Я. К. ГРОГУ

Милостивый государь Яков Карлович!

Вы предложили мне участвовать моими стихами в праздновании юбилея Карамзина. Как по сердцу пришлось мне это предложение — покажут Вам эти стихи. Теперь, что касается произ-

несения их — обращаюсь с покорнейшею просьбой к Вам. Мне было бы очень лестно, если бы Академия удостоила меня чести прочесть их на ее акте, что мне советует между прочим и несравненный наш Федор Иванович Тютчев и о чем я уже говорил Измаилу Ивановичу Срезневскому,¹ показывал я ему стихи вчерне (как и Вы их слышали), и потому он, конечно, не мог еще составить мнения о них. Теперь я их кончил, поручаю дальнейшую их судьбу Вам.² На чтении для Фонда я мог бы их повторить в заключение вечера.³

Вот мое желание. Так как Вы равно принимаете участие и в Академии и в Фонде, то полагаюсь совершенно на Ваше расуждение.

С истинным почтением имею честь быть

Ваш всепокорнейший слуга

А. Майков.

Ноября 17 1866.

Шифр письма: ф. 88, № 16384.

Грот Яков Карлович (1812—1893) — лингвист и историк литературы, академик, в это время председатель Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда).

¹ Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — филолог-славист и этнограф, академик.

² Майков не принял участия в заседании Академии наук памяти Н. М. Карамзина 1 декабря 1866 г. В дневнике Грота (запись от 7 декабря 1866 г.) читаем: «Сбирался читать в Академии и Майков, приготовивший стихи по поводу юбилея. Но эти стихи не совсем нравились не только посторонним, но и ему самому. Он приезжал читать их ко мне, а потом я читал их у <В. Н.> Карамзина в тот же вечер, о котором я уже говорил, и там впечатление было не совсем удовлетворительное. После того я получил от Майкова, из Москвы, куда он ездил на несколько дней, письмо, в котором он отказывался от чтения на юбилее и очень верно сам указывал на недостатки своих стихов. Поэтому они и не попали в напечатанную на другой день программу чтений» (Исторический вестник, 1910, № 3, с. 997). Стихотворение Майкова «Карамзин» («Вхожу ли в старый Кремль, откуда взгляд привольно...») было напечатано в «Русском вестнике» (1867, № 2, с. 501) с подзаголовком «Неоконченное стихотворение».

³ На Карамзинском вечере Литературного фонда 3 декабря 1866 г. Майков читал отрывок из драматической поэмы «Странник».

3

Я. К. ГРОТУ

<Октябрь 1867>.¹

Несказанно благодарен Вам, почтеннейший Яков Карлович, за Ваши два замечания.² Жалею только, что их не более, т. е. если есть промахи. То-то и горе, что филологического образова-

ния не имею.³ Славянской грамматики никогда не учил. Но когда мне было 14, 15, 16 лет, то читал Библию с упоением, пленяясь более тоном, образами, поэзией, и начал-то писать стихи с переложения библейских красот. Когда исполнилось 15 лет, решили отдать меня в университет: оказалось, что надо знать по-латыни. Взяли студента медицины, ех-семинариста, но в год — я загонял его; довольно сказать, что перевел всего Саллюстия письменно, три биографии из Непота и три речи Цицерона. Будучи на юридическом факультете, знал наизусть весь *compendium*^a Клоссиуса.⁴ Поэтов же прочел тоже чуть не залпом в Низаровском издании по-французски,⁵ отыскивая в подлиннике только места, которые мне особенно нравились. Вот и все мои отношения к филологии, разве что еще выучился на тридцатом году по-гречески, чтоб прочесть «Илиаду». Руководило меня только ухо, а не знание: поэтому было бы истинным благодеянием снабдить меня трудами Востокова, о которых Вы мне пишете. Дело в том, что из меня никогда не готовился поэт или литератор, а живописец, и что я приобрел знаний, то все уже собственною любознательностью и чтением. Впрочем, пенять на это нечего. Школа никогда не даст того, что приобретешь сам, а этой школе никогда нет конца — век живи, век учись. Простите эту иеремиаду, но досадно одному слову придавать другое значение — *точию*-то я действительно употребил в значении *точно*. Точию незнание мое тому причиной. Так ли теперь сказал?⁶

Весь Ваш А. Майков.

Шифр письма: ф. 168, № 16664.

Кроме двух публикуемых писем, в ИРЛИ хранится еще шесть писем Майкова к Я. К. Гроту (ф. 88, № 16137 и ф. 168, № 16503). Письма Грота к Майкову: ф. 168, № 16776 и ф. 166, № 8903.

¹ Предположительная дата устанавливается на основании упоминания о филологе-слависте, поэте и стиховедце Александре Христофоровиче Востокове (1781—1864): «... было бы истинным благодеянием снабдить меня трудами Востокова, о которых Вы мне пишете» (это письмо Грота не сохранилось). 23 октября 1867 г. Майков просил Грота прислать словарь Востокова, который был нужен ему в связи с обработкой перевода «Слова о полку Игореве» (Архив АН СССР, ф. 137, оп. 3, № 576, л. 1). 29 октября Грот писал ему: «Я было приготвил тотчас же ответ, полагая, что у нас (т. е. в Академии наук, — *И. Я.*) есть экземпляры Словаря Востокова, из которых один, как я очень хорошо помню, был Вам назначен еще прошлого года». Но оказалось, что все оставшиеся экземпляры словаря отданы вдове Востокова. Речь идет о «Словаре церковно-славянского языка» (т. 1. СПб., 1858; т. 2. СПб., 1861).

² По всей вероятности, речь идет о замечаниях Я. К. Грота по поводу майковского перевода «Слова о полку Игореве».

³ Майков окончил юридический факультет Московского университета.

⁴ Клоссиус Вальтер-Фридрих (1796—1838) — юрист, профессор Дерптского университета; известен главным образом своими работами по исследованию и изданию источников римского права. По-видимому, имеется

^a Компендиум (*лат.*), краткое изложение какой-нибудь науки.

в виду его «Hermeneutik des römischen Rechts und Einleitung in das corpus juris civilis, im Grundrisse» (Riga und Dorpat, 1829; изд. 2-е: Leipzig, 1831).

⁵ Низар Жан-Мари-Наполеон-Дезире (1806—1888) — французский критик и историк литературы. Речь идет о многотомной серии «Collection des auteurs latins, avec la traduction en français» (27 vol., 1838—1850).

⁶ Точию — только (*церк.-слав.*).

4

П. В. АННЕНКОВУ

〈Конец января—начало февраля 1868〉.

Я думал, что выбрал самое удобное время застать Вас — в 7 часов, и, к великому сожалению, очень ошибся. А переговорить и посоветоваться необходимо.

Единственный выход из того затруднительного положения, в которое меня перед публикою поставили две публикации о предстоящем чтении, из которых в одной сказано, что я буду читать стихи Некрасова, о чем меня просил Комитет, а в другом поставлено уже *не* мое имя, что может быть истолковано не в мою пользу, — есть известное средство — сказаться больным и уже вовсе не участвовать в чтении. Хоть бы в объявлении-то объявили причину, тогда и этого крайнего средства можно бы было избежать, а теперь оно единственное.

Я приищу, кому прочесть «У памятника Крылова», а «Стрельцов» и вовсе не нужно. И при том порядке, как расположены номера чтений, мое отсутствие будет совсем незаметно, потому что стихотворения, *открывающие* вечер, всегда служат только как водевили для съезда, тут усаживаются, приезжают, сморкаются и пр. При статье прозаической это ничего, потому что пропадает только первая страница, но у автора еще остается других 20. Стихотворение же короче и этой страницы. Это была причина, почему я просил Я. К. Грота, когда еще предвиделось мое участие в чтении, поместить меня с обеими пьесами после г. Кеневича, которого статья приготовила бы публику к пониманию моего стихотворения, которое все-таки должно быть, как я думал, *resumé* серьезной статьи, и после нее *нрзб.*»

Прошу Вас, почтеннейший Павел Васильевич, передать мое сожаление членам Комитета, но что же делать? Единственное благовидное для меня истолкование двух противоречивых публикаций есть болезнь. (Т. е., поймите, иначе растолкуют, что я не хотел, а этого-то я и не желаю).

Я уверен, что Вы меня совершенно понимаете, что мне иного делать нечего.

Весь Ваш А. Майков.

Кроме публикуемого (ф. 7, № 64), в ИРЛИ хранятся еще два письма Майкова к П. В. Анненкову.

Анненков Павел Васильевич (1813—1887) — критик и историк литературы, биограф Пушкина и редактор первого научного издания его сочинений.

Письмо датируется в связи со следующими обстоятельствами: литературный вечер в память столетия со дня рождения И. А. Крылова, организованный Литературным фондом, состоялся 3 февраля. Обращение к Анненкову объясняется тем, что он был членом комиссии по устройству вечера. На заседании Комитета Литературного фонда от 22 декабря 1867 г. ему и В. П. Гаевскому было поручено «переговорить об участии в литературном вечере с Н. А. Некрасовым» (ГПБ, ф. 458, т. 5, л. 96 и 101). Недоразумение, о котором идет речь в письме, как-то уладилось, и Майков принял участие в вечере. Он прочитал стихотворения «У памятника Крылова» (впервые напечатано: Складчина. СПб., 1874) и «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» (напечатано в № 2 «Русского вестника» за 1868 г.). Указание Л. С. Гейро, со ссылкой на свидетельство А. А. Плещеева, что стихотворение «У памятника Крылова» было впервые прочитано на литературном вечере 16 марта 1874 г. (Майков А. Н. Избр. прозв. Л., 1977, с. 837), неверно. Некрасовские «Стихотворения, посвященные русским детям» («Дядюшка Яков», «Пчелы» и «Генерал Топтыгин»), прочитал на вечере 3 февраля И. Ф. Горбунов (см.: ГПБ, ф. 458, т. 6, л. 11 об.; С.-Петербургские ведомости, 1868, № 31 и 32, 1 и 2 февраля; Голос, 1868, № 34 и 37, 3 и 6 февраля). В вечере приняли также участие упомянутый в письме исследователь Крылова Владислав Теофилович Кеневич (1831—1879), академик Я. К. Грот и А. К. Толстой.

5

П. М. ЦЕЙДЛЕРУ

1871. Октября 2.

<...>¹ Пенсия — ведь это патент на старость. Да уж не она ли усаживает на месте и делает передвижение затруднительным? И в сборах моих к тебе я уже не чувствовал той легкости, с которою прежде бегал в Москву.² Да мелькала и мысль — а что если с поездом что приключится? Симптомы худые, и с грустью je les constate (чтоб не сказать: констатирую). Это зло и не в одном этом случае, то же и в писании: иссяк ключ, пропала дерзость мысли; нет желания, нет зуда. Все написанное прежде противно. Разочарование в силах: все казалось, что главное впереди, а то, что писал, только приготовление, проба крыл. Теперь уже впереди ничего, а сделанное представляется тщетными усилиями. По благодушию своему <...> я на все это смотрю очень спокойно и пишу тебе не в минуты хандры, как ты, вероятно, будешь мне объяснять. Напротив, мне очень весело внутри себя: пенсия! некоторая бо́льшая ширина движений.

Но знаешь ли что? Не имеет ли это бессилие более общее значение? Не у меня одного оно, кажется, заметно. Не значит ли оно, что тот путь, по которому пошла изящная литература, уже уперся в стену? С появления Тургенева мы ушли в себя и мир наших личных созерцаний, личных чувств, недостатков сделали областью искусства, т. е. свою личную скудость. Сюда я отношу

и сатиру. История и народное, более широкое, христианское воззрение забыто. Л. Толстой окунулся в этот океан — и вынес нечто прочное. Сравни с «Войной и миром» то, что пишет Писемский, Гончаров — старых щей да пожиге влей. Я это, положим, инстинктивно чувствовал — и увлекся в мир народной поэзии — достал оттуда «Слово о полку Игореве» и «Бальдура»: но или сил не хватило, или это никому не нужно.³

Но полно об этом. Письмо валяется дней пять — останюся на этих созерцаниях. Тебе интереснее, разумеется, вопросы о том, что у нас делается. И ничего и много. По крайней мере в литературе. Является много объявлений о новых изданиях. Не знаю многих, но могу сказать только о тех, куда меня приглашали: «Русский мир» и «Гражданин».⁴ Намерения хорошие, а сил нет. Вообще везде какое-то затишье — но перед чем? Кажется, затишье утомления. Это худо. Пророки предсказывают гром в будущем — из Германии, и я верю им. Да, я думаю, верят все, но закрывают глаза или силятся не верить. Поневоле ищешь точки опоры в себе (т. е. в нас) — и не находишь: вот почему и закрывают глаза и силятся не верить, и малодушно жуируют жизнью — *après nous le déluge!*^a

Опять провалялось несколько дней написанное письмо. Из этого ты можешь заключить о настроении моем: оно какое-то разорванное. Баламутят меня разные дела: вот тут-то часто досаду, что нет тебя здесь, чтобы прийти к тебе и *подобраться*. Это потребность — привычка, которую трудно обойти. Теперь же новая забота. Предлагают мне издать мои стихи. Как это сделать? как расположить, в каком виде? что поместить? что выкинуть? Наконец, как устроить все дело? какие условия?.. Это такое для меня сложное дело, приступая к которому чуть не каждую осень, я терялся и кончал тем, что все посылал к черту. Не знаю, что теперь еще из этого выйдет.⁵ — Ставлю, однако, точку и отправляю письмо, чтоб еще не запало. Мои все здоровы. Коля⁶ переведен во 2-й курс; не надеюсь, однако, чтоб перешел в 3-й: занимается, но как-то не споро, не с яростью, без которой ничего не выходит. Спит очень долго, несмотря на брань... До свидания, друг мой. Эх, жаль, жаль, что тебя нет здесь, фантастический ты человек!

Твой А. Майков.

Кроме трех публикуемых писем (два из них печатаются не полностью) (ф. 168, № 16696, л. 6—6 об., 7—8, 17—17 об.), в ИРЛИ хранится еще десять писем Майкова к П. М. Цейдлеру. Здесь же находятся письма Цейдлера к Майкову: ф. 168, № 16968.

Цейдлер Петр Михайлович (1821—1873) — педагог, приятель Майкова с университетских лет. В последние годы своей жизни работал в земской школе для приготовления народных учителей в селе Поливанове Подольского уезда Московской губернии. Майков и другой товарищ Цейдлера

^a после нас хоть потоп! (*франц.*).

А. У. Порецкий поместили в «Гражданине» (1873, № 9), в то время выходявшем под редакцией Ф. М. Достоевского, теплый некролог, посвященный Цейдлеру. Задолго до этого, в 1856 г., Майков посвятил Цейдлеру стихотворение — «П. М. Цейдлеру» («Вот он идет по гатчинскому саду...»), в котором охарактеризовал его как педагога и воспитателя.

¹ Первая половина письма, опущенная нами, посвящена подробным расчетам в связи со сроком пенсии.

² За полгода до этого, 19 апреля 1871 г., Майков писал Цейдлеру: «... скоро на дачу и на озеро. Но прежде чем туда перееду, мечтаю съездить к вам, да и то если будут *лишние* деньги — но и это под сомнением, ибо не вижу никакого получения!» (ф. 168, № 16696, л. 1 об.). А в той части письма от 2 октября 1871 г., которая нами не публикуется, он подтверждал, что все собирался приехать, но теперь его остановил вопрос о пенсии.

³ Майковский перевод «Слова о полку Игореве» был впервые напечатан в журнале «Заря» (1870, № 1), а поэма «Бальдур. Песнь о солнце по сказаниям Скандинавской Эдды» в той же «Заре» ровно через год (1871, № 1). Над переводом «Слова» Майков работал несколько лет и в процессе этой работы познакомился с Эддой. «История Бальдура, — писал Майков в одном из вариантов предисловия к «Бальдуру», — «...» заимствована мною из сказаний Эдды, где древнейшие мифы человечества сохранились, если можно так выразиться, в самом свежем виде. Я случайно попал в этот мир. Занимаясь Словом о полку Игореве и стараясь угадать значение Девы Обиды, я остановился на указаниях профессора Буслаева о родстве ее с девами Валкириями, и вот эти воинственные девы открыли мне чудеса Вальгаллы. Нечто совершенно новое поразило меня, и я счастлив, если в моем переводе сохранилась хоть несколько свежест, суровая девственная фантазия «...» Но рядом с красотами поэзии меня поражало в Эдде еще нечто иное: это близкое ее родство с нашими народными поверьями, древними обычаями, песнями, сказаниями, былинами. Я пришел к убеждению, что в Эдде отразилась религия, общая народам всего балтийского поморья и рек, в это море впадающих, а именно скандинавов, балтийских славян и предков нас, великоруссов» (Майков А. Н. Избр. произв. Л., 1977, с. 848).

⁴ Оба названных издания — «Гражданин» кн. В. П. Мещерского и «Русский мир» В. В. Комарова — реакционного направления. В «Гражданине» Майков время от времени печатал свои стихотворения.

⁵ Предложение исходило от издателя «Гражданина» кн. В. П. Мещерского. «Издание покупает у меня Мещерский «...», — читаем в другом письме к Цейдлеру. — Но боже мой! какая для меня тягость — собирать, выбирать! Когда я сам читаю, мне по большей части все кажется плохо, и я все отодвигаю в сторону и произношу себе приговор весьма неутешительный, вследствие чего понижаю духом. Потом кто-нибудь припомнит что-нибудь из моих писаний, прочтет и похвалит, опять ободряюсь» (ф. 168, № 16696, л. 26).

⁶ Старший сын поэта — Н. А. Майков, впоследствии инспектор Петербургского ремесленного училища цесаревича Николая, а затем член отдела начального образования Ученого комитета Министерства народного просвещения. См. о нем: Витте С. Ю. Воспоминания, ч. 1. М., 1960, с. 329—330.

6

О. Ф. МИЛЛЕРУ

1871. Ноябрь 3.

Почти всякий раз, почтеннейший Орест Федорович, как мне случается перекинуться с Вами несколькими словами, я долго потом сержусь на Вас и без Вас продолжаю разговор с Вами.

Отчего сержусь — может быть, объясню после; отчего продолжаю разговор — оттого, что не имею той диалектики, которую обладаете Вы, и то, на что я бы должен был Вам указать, приходило в голову после. Да мне и труднее спорить, чем Вам, уже по самому капитальному различию наших воззрений: Вы человек логический, человек принципов, головная натура, т. е. такая, которая во имя принципа казнит и милует, судит и рядит. Только христианство умеряет ее, и то сознательно, т. е. сознание превосходства христианской морали, которая хоть и коренится в Вашем сердце, но признана Вами руководством в жизни только по одобрении и по высочайшему утверждению ума. Я же на все смотрю с жизненной точки зрения, не могу в пестрой ее ткани выдернуть одну ее нитку и посмотреть на мир, подводя все под ее цвет. Этим только свойством Вашим я себе объясняю перерождение Ваше из эстетика в последователя Чернышевского и Добролюбова, развившихся из второй половины деятельности Белинского, т. е. в критика-социалиста, продергивающего все прошедшее с одобренного личным разумом принципа. Это же причина, почему из Вас не вышло критика исторического (Тена¹), или, как говорил Ап. Григорьев,² Вы не дошли до органической критики. Я беру совокупность жизни и о старых писателях ставлю первым вопросом: что он сделал для своего времени? какие чувства пробуждал в соотечественниках, какой внутренний мир открывал им? возвышал дух их, мироощущение? и пр. С этой точки зрения смотрю на Ломоносова, Державина; далее влияние разделяют Карамзин, Жуковский, потом Пушкин, из-под которого еще не скоро мы выживем. Белинский извратил течение реки, замутил ее своими ложными толкованиями Гоголя — причина недоразумений его с Гоголем и, может быть, причина упадка духа этого великого и честно-искреннего писателя. Но об этом надо много говорить, здесь не место.

Вы сказали, что в XVIII столетии только и есть хорошего, что сатирики, и в Державине только и хорошо, где сатира. Не спорю и ничего не говорю против сатиры и ее пользы и услугах русской жизни. Но этот взгляд узок, это только одна нитка, выдернутая из ткани. Вы увлекаетесь тем, что сатира осмеивала нравы, злоупотребления, уклонения, мерзость злобы дня; чем радикальнее сатира, тем для Вас лучше, т. е. если приведет к полному отрицанию, тем больше торжество ее, тем более славы писателю. Хорошо. Но задавали ли Вы себе вопрос: отрицать, возбуждать омерзение к существующему в известное время порядку вещей еще не значит возбуждать чувства добрые (великое выражение!³), напротив, злобу, отчаяние, сумасшествие, самоубийство, бунт и гибель личности. Нравственного улучшения, силы бороться, идеала (да идеала не в форме Утопии) куда стремиться, во имя чего терпеть, во имя чего болеть, — сатира не дает. Кто же и что же ее дает?

Я Вам сказал, что — сатира я человек жизни и свои суждения почерпаю из ее откровений. Я помню еще в детстве рассказы о моем деде, московском купце Гусятникове, отце моей матери. Это был

старик, весьма образованный человек, одевался по-английски, знал несколько языков, но религиозный и горячий патриот: когда накануне вступления французов в Москву весь дом, семья, приказчики, масса старух, стариков и детей выехали из Москвы, кто на лошадях, кто пешком, в Рязанскую или Калужскую губернию, — уже за Окой или на высоком берегу оной вдруг увидели они московское зарево — весь поезд остановился, всё взвыло; один дед стоял посреди повалившейся и вопившей толпы, высокий, худой, с длинными седыми волосами, обнажил голову и вдохновенно повторял: «Гори, гори, матушка! и будешь ты ему гробом!». Кто-то ему сказал: «А дом-то, а лавки-то (у него было семь лавок, он потерял все почти состояние), ничего ведь не вывезли, не припрятали!» — «Все гори! все гори! — вдохновенно повторял старик, смотревший на зрелище с непокрытой головой. — Чего вы вопите? молитесь и бога благодарите». . . Этот старик был из поколения, возросшего под влиянием Ломоносова: его сочинения попались ему, они заставили молодого купчика учиться, поехать в германский университет, потом в Англию. Величество божие стал он понимать из оды Ломоносова (Ода на «величество» божие),⁴ высокое сознание себя русским, сыном страны своей — из его же од, любовь к наукам — из его же стихов (и будет собственных Невтонов⁵), словом весь его нравственный, высокий строй души, руковоливший его и в жизни и в деятельности (он завел фабрики в Калужской, медные заводы в Оренбургской губернии), был справедлив, тверд и добр и обожаем, как своими близкими, так и заводскими крестьянами. Он, я сказал, принадлежал к поколению, воспитанному Ломоносовым, и сердился на более юное, которое утверждало, что Державин выше. За обедами его частехонько был этот спор, и старик ужасно горячился. Не видите ли Вы, что все екатерининское поколение — вся литература ее времени, другой прадед мой (дядя моего деда), Василий Майков, Новиков и пр. и сам Державин — все это поколение Ломоносовское, и это-то составило славу Екатерине — у них в душе (да и для Екатерины было уяснено) был тот идеал России, за которую они всегда сражались, умирали и костями своими усеяли и усвоили России ее территорию. Не перетолкуйте, пожалуйста, моих слов, что будто бы все эти чувства *создал* Ломоносов; надеюсь, Вы поймете меня и с полуслова; если бы в народе не было этих чувств (их выражал и Петр, и его современники, и до Петра московские дьяки, и все, вынесшие на плечах своих Россию из разгрома Смутного времени), то никакой поэт их не создаст; но дать им пленительную форму — значит дать слово, уяснить инстинкт сознанием. Вот когда это сделано, т. е. положен краеугольный камень и создан храм, тогда давайте швабры и метлы, гоните трубочистов чистить трубы — давайте сатириков. Пустите же их одних, без тех зодчих — у них не будет нравственных основ. Сатирики XVIII в. тоже ломоносовцы. И это мы видим в настоящее время: идеалы распатаны с по-

мощью критиков, Белинского, Чернышевского», Добр<олюбова> — до Шелгунова,⁶ и явилась сатира нынешняя, которая есть просто смехотворчество и корысть (разумею, духовная, т. е. знаменитость, легко добываемая), под которой нет великого нравственного идеала. (Самый талантливый Щедрин: а что под его ногами?).

Все, что я Вам писал о влиянии Ломоносова, — это факты и во многих русских семьях семейное предание. Державина поэзия есть продолжение Ломоносова, и я понимаю моего деда, почему для него Ломоносов выше, хоть несомненно в Державине больше собственно поэтического таланта. Но Ломоносову он был обязан своим просветлением, своим нравственным строем; Ломоносов первый, словом увлекший к идеалу современников, пробудивший в них чувства добрые, высокие, выведший их из тьмы бессознания. Независимо от писаний своих стал сам для своих питомцев, своей судьбой, своим отстаиванием русского перед немцами, он, мальчик-рыбак и потом академик, говоривший в одах поучения царям, указывавший им путь (в форме похвал), — был чем-то столь великим, таким явным воплощением могущества русского духа, что им самим они гордились, и гордились тем, что и сами его плоть и кровь.

После всего мною сказанного, как же Вы хотите, чтобы я отнесся к словам Вашим, что у Ломоносова и Державина все *ригорики*? Если до сих пор я говорил только о проявлении этими поэтами в их современниках чувства народности, для которой даже обыкновенное название русских казалось мало, низко и изобретались громкие имена Россиян, Россов, то ведь влияние их этим не исчерпывалось. Тот же нравственный взгляд открыт ими на природу (открыт, т. е. не открыт, но уяснен, слово дано; это ужасно, в наш каверзный период без оговорок ни слова нельзя сказать, без этих кочек не *<нрзб>*! Не хотят понимать целостности Вашей мысли, а только диалектизируют, полеми<зи>руют), на нравственный мир; завоевано, секуляризовано это право у духовных писателей, положено основание всей прелестной поэзии нашей, Пушкинской, Тургеневской в описаниях природы. Точно так же нравственные истины вдруг говорят не с архиерейской кафедры, не в уединении созерцательного отшельника, а с точки зрения и чувства простого, обыкновенного, всякого смертного. Искусство в этих поэтах (Лом<оносова> и Держ<авина>) только что вышло из религиозных пелен, выведено на свет божий, в мир, но еще сильно тем млеком духовным матери своей — оно говорит почти ее языком: вот родство их с прошлым. На этих поэтов, да и на всех их современников (у кого талант), нельзя смотреть только как на *подражателей* западным современникам — формы, пожалуй, и взяты, да и многое подражание, но они *усвоители*, в заимствованной форме выражали свое горячее чувство, *искреннее*, иначе бы не действовали на современников, не одушевляли бы их, не цивилизовали бы их!.. Господи! что туману напущено на наши глаза!..

Когда Вы обратились к истории русской литературы, я ожидал, что Вы, воспитанный эстетически, сами поэт,⁷ отнесетесь к ней с точки зрения всей полноты жизни, а выходит что же? Русским девицам советуете бегать не с болгарскими, а с русскими Инсаровыми; но идеал Вашего Инсарова неужели не узнаете Вы в Нечаеве?⁸ За этими уж много девиц побежало. Истинным русским Инсаровым нечего бунтовать, им нужно *работать, работать и работать*, каждому на своем поле, в праведности сердца, не мутя своего дела посторонними видами или не зевая по сторонам. И эти Инсаровы — и в науке, и в литературе, и в торговле, и, может быть... очень высоко. Благодаря им, конечно, и ждем мы. С этими нечего бегать девицам, а нужно дома сидеть и помогать... Оттого-то и сердце болит, оттого и пишу Вам, что Вы, со всей чистотой намерений, впряглись в ту же борону, которую везут Шелгуновы, Пыпины (см. Ист<орию> славянских лит<ератур>⁹) по нашей ниве в то время, когда уж озимь взошла. Что за дело, что Вы с другого принципа отправлись, — да борона-то та же, и Вы больше зла делаете, чем они, Вы с другим знаменем, оно обманывает, пойдешь за Вами и очутишься там же, туда же привезли; Вы опаснее и хуже, потому что Вы с оружием науки, а не с пустой болтовней. Смотрите результаты: отчего нет у них критиков? В университете вместо эстетики, вместо хоть бы того, что делал Никитенко, знакомя нас с «красотами поэзии»,¹⁰ читается обличение или история одного под названием истории литературы. Выходит юноша и уродует, разумеется, *verba magistri*.^a Отчего нет новых талантов? отчего упал театр до оперетки Оффенбаха,¹¹ до Берга!¹² отчего Гербелева издания Шекспира продано первого тома несколько тысяч экземпляров (в пятидесятых годах), а последнего в прошлом году (а уж вышел он года три, кажется) было продано 60?¹³ Отчего (кажется, лет десять тому назад) еще был возможен юбилей Шекспира у нас — а теперь был бы немислим?¹⁴ От вас, гг. профессора! от вас, устранивших на советах своих устранение истории Всеобщей, Русской, Эстетики, Литературы и даже Логики, — с факультетов юридического, естественного и математического, не говоря уж о Медицинской академии и медицинских факультетах! А уж о значении университетского преподавания этих предметов не говорю, как о преподавании, имеющем бросить свет на факты, сообщаемые гимназией. А вы какой свет бросаете? Вторите Шелгунову, т. е. научно излагаете историю обличения! Грех ляжет на ваши головы.

Орест Федорович! Я написал много, гадко, отдавшись потоку мыслей и чувств, накопившихся в душе, написал без плана, без обдуманной формы. Наперед знаю, увы! что все это бесполезно. Ваша натура огнеупорная, для Вас возможны только решительные разрывы, — а где же мне нанести такой удар, чтоб разорвать

^a слова учителя (лат.).

ту нить, которую Вы признали единою истинною и к блаженству ведущей (beatificus). Но я решаюсь Вам отослать это писание, потому что, во-1-х, полагаю, что Вы поймете и не будете привязываться к словам и отсюда выводить не те заключения, какие я имею, а главное, потому что этим исполняю тоже свой долг. Да не будет же сказано, что никто не восставал против зла. И так как говорить откровенное слово должно быть согласно с Вашими принципами, то я уверен, что Вы не охулите его и не рассердитесь на меня: если бы я не уважал Вас, я бы и не говорил. Выгоните из себя рационального человека (Антихриста), Орест Федорович, дайте простор в душе своей поэту, и рациональный человек не заградит перед Вами жизни, даст в Вас поэту обнять всю полноту ее!.. Осуждение! да неужели осуждающего целые поколения истории не спросят: а кто ты сам такой? Чувствуя свое несовершенство, никогда бы не взялся я за сатиру и осуждение. И Вас я не осуждаю, а по мере разумения указываю на то, что, по-моему, свет, да узрят его и другие. И знаете, что еще прибавлю: я *не ошибаюсь* в том, что писал, ибо мой горизонт широкий, и слезы, навертывавшиеся у меня при этом писании, говорят мне, что двигала мною безграничная любовь, распростирающаяся и на Вас и заставляющая не переставать *надеяться*.

Ваш А. Майков.

Шифр двух публикуемых писем к Миллеру: ф. 168, № 16677.

Миллер Орест Федорович (1833—1889) — фольклорист и историк литературы, профессор Петербургского университета. Преподавал также на Владимирских, а затем на Бестужевских высших женских курсах. Пользовался большой популярностью как лектор. По своим взглядам был во многом близок к славянофилам. В 1888 г. напечатал большую статью о Майкове (Миллер О. А. Н. Майков. — Русская мысль, 1888, № 5, 6). Поэт резко отозвался об этой статье в письмах к сыновьям от 2 и 27 июня 1888 г. (ф. 168, № 17892а, л. 56 об.—57, 73 об.—74).

Письмо давалось Майкову нелегко; в нем явственно ощущаются следы волнения. Было ли оно в результате отправлено Миллеру — неизвестно. Сохранился и другой вариант письма, с существенными отличиями, с большим количеством исправлений и вычеркнутых мест. Оно начинается словами: «Вчера вечером, любезнейший Орест Федорович, говоря об нашей литературе XVIII века, Вы сказали мне, что в ней хорошего только то есть что сатира». В этом варианте письма имеется довольно обширная восторженная характеристика Петровской эпохи, а о Ломоносове сказано, что он «есть сын Петра», что «мальчик-рыбак прошел по пути образования, начертанному Петром» (сходная мысль лежит в основе стихотворения Майкова «Ломоносов» 1865 г.). По поводу лет, проведенных Ломоносовым за границей, Майков замечает, что оттуда он принес «с собою к нам все, что эпоха Возрождения дала Европе и что от нас было скрыто». Отвергая утверждение, что у Ломоносова и Державина — все риторика, «т. е. пустословие, говорение того, чего не чувствуешь», Майков пишет об их глубокой искренности и между прочим замечает: «Об искренности же Державина припомню только, что он не мог написать вторую „Фелицу“ — хотя сама императрица выразила ему это желание. Я написал тогда „Фелицу“, говорил он, когда видел все издали; присмотревшись же ближе — не могу». В отличие от греков, которые «обоготворили своих Орфеев», в России, утверждает Майков, с ними поступают

иначе. Впрочем, он тут же оговаривается, ссылаясь на своего любимого Пушкина: «Но нельзя винить огулом всю русскую литературу. Вспомним, как Пушкин говорил о Ломоносове: это наш первый университет. О Державине: если бы его перевести на иностранный язык, мы бы дивились колоссальности и красоте его образов, устаревший язык только один препятствует нам ценить его вполне». О месте сатиры в литературе XVIII в. Майков пишет: «Жрец в храме учит и вдохновляет; он же и карает и обличает. Оставьте ему только последнюю роль, отымите учение, он будет только ругатель. И надо сказать, что сатирики XVIII века были не одиноки. Рядом с ними был тот же жрец, который проповедовал, и во всей литературе был один дух, одна польза духовная». И вслед за этим: «Гоголь есть последний их представитель, он был силен, стоя рядом с Пушкиным. Вы знаете <...> какая тесная связь была между ними и какое живое понимание друг друга!». Майков упрекает Миллера в том, что он вместо того, чтобы прививать слушателям правильные представления об искусстве и «его роли и истории у нас», «вместо истории поэзии, истории идей и идеалов» читает «историю обличения». И в другом месте, оспаривая эти взгляды, Майков в полемической форме высказывает свое сгедо: «Все вы себя только спрашиваете: „довольно ли я демократичен?“, а не то: „хожу ли я в путях божих?“. Пишущий Вам — сам не аристократ, крестьянами не владел, с крестьянской реформой ничего не имел терять... Неужели вы думаете, что, укрепляя только отрицательное отношение к жизни и истории (и прибавлю: к правде), вы служите идее, отечеству, человечеству? Цивилизуются народы только чрез искусство, а не чрез гражданские идеи. Оно смягчает сердца, оно расширяет симпатии, оно пленяет идеалом. Изгнать его и оставить науки — хорошо будет обществу отличных пивоваров, машинистов, астрономов, юристов, филологов, односторонние всё умы без изящного чувства, без общих идеалов — сгоните их вместе, да им не о чем слово сказать друг с другом».

¹ Тэн Ипполит Адольф (1828—1893) — французский историк, философ, искусствовед и историк литературы, основатель историко-культурной школы в литературоведении.

² Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) — литературный критик и поэт. В первой половине 1850-х годов вместе с А. Н. Островским, Л. А. Меем и др. член так называемой «молодой редакции» журнала «Москвитянин»; в 1860-х годах главный критик журналов Достоевского «Время» и «Эпоха». Свой критический метод Григорьев называл «органической критикой», противопоставляя его и теории «искусства для искусства», и критике революционных демократов.

³ «Чувства добрые» — из стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» («Что чувства добрые я лирой пробуждал»).

⁴ «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния», «Утреннее размышление о божием величестве».

⁵ См. в «Оде на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»: «Что может собственных Платонов И быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать».

⁶ Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891) — критик и публицист революционно-демократического лагеря, участник революционного движения 1860-х годов.

⁷ Миллер впервые выступил в печати еще в 1852 г. со стихотворением «На смерть Жуковского»; он написал пьесы в стихах «Подвиг матери. Эпизод из Отечественной войны 1812 г.» и «Конрадин, последний из Гогенштауфенов». Несклько его стихотворений сохранилось в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 205, № 19460).

⁸ Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1882) — революционер-заговорщик анархистского толка. В 1869 г. создал тайную организацию «Народ-

ная расправа». Протест против диктаторских приемов и авантюристических методов Нечаева со стороны члена организации студента И. И. Иванова повлек за собою его убийство. С этого времени, а особенно в связи с процессом над товарищами Нечаева по «Народной расправе» (самому Нечаеву удалось бежать за границу), происходившим летом 1871 г. и обильно освещавшимся в печати, имя его стало широко известно. Нечаев послужил прототипом героя «Бесов» Достоевского — Петра Верховенского. Когда Майков писал О. Ф. Миллеру, большая часть романа была уже опубликована в «Русском вестнике». В лице Нечаева Майков, как и его близкий друг Достоевский, ошибочно видел не только извращения, сопутствующие революционному движению, но и самую его сущность.

⁹ Речь идет о книге А. Н. Пышина и В. Д. Спасовича «Обзор истории славянских литератур» (СПб., 1865).

¹⁰ Майков слушал лекции Никитенко по истории литературы в студенческие годы.

¹¹ Оффенбах Жак (1819—1880) — французский композитор, автор известных оперетт «Орфей в аду», «Прекрасная Елена» и др. В 1860-х—начале 1870-х годов оперетта пользовалась у театральной публики большой популярностью и завоевала даже сцены Александринского и Малого театров. Опереттомания была высмеяна М. Е. Салтыковым-Щедриным в его «Дневнике провинциала в Петербурге» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. 10. М., 1970, с. 281—285). См. также: Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 233—234.

¹² Майков имеет в виду балаганный театр К. В. Берга в Петербурге (на Адмиралтейской площади, а затем на Марсовом поле).

¹³ Четырехтомное «Полное собрание драматических сочинений Шекспира в переводе русских писателей», изданное Н. А. Некрасовым и Н. В. Гербелем, вышло в Петербурге в 1865—1868 гг. Нельзя сказать с уверенностью, насколько справедливо утверждение Майкова, что последний том плохо раскупался. Ю. Д. Левин пишет, что «у читателей издание Некрасова—Гербеля пользовалось неизменным успехом. Оно быстро разошлось и до конца XIX в. выдержало четыре переиздания» (Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 527). Впрочем, второе издание появилось в 1876 г., через пять лет после письма Майкова.

¹⁴ Трехсотлетие со дня рождения Шекспира праздновалось в апреле 1865 г. На юбилейном литературно-музыкальном вечере, организованном в Петербурге Литературным фондом, Майков прочитал свое стихотворение «Юбилей Шекспира».

7

П. М. ЦЕЙДЛЕРУ

Не удивляйся и не сердись, любезнейший Петр Михайлович, что я не отвечал на твои два письма и вообще оказался неисправен. Все это время, т. е. почти три месяца, я решительно не принадлежал себе или, лучше сказать, миру сему; никогда не погружался я до такого забвения всего в царство мысли, да оно и не мудрено: нужно было понять и очертнуть людей, принадлежащих царствию божью, и для того самому туда заглянуть. Вижу теперь, как легко понять эпикурейца — можно и в 20 лет; но христиан понять даже нам, христианам, признаюсь, и в 50 не легко. Я только теперь из этого опыта вочию увидал, что мы

чуть что не по имени только христиане. Загадка моих слов объяснится тебе, если скажу, что я делал: я написал вновь 2-ю часть «Люция».¹ Чувствую, что до настоящих христиан еще не достиг — но все-таки приподнялся несколько, и уж это считаю благополучием. Теперь только понимаю немного, что такое чистые сердцем, кроткие духом, сыны божии и пр. Самая, впрочем, главная трудность — это то, что они уж ничто земное ни во что не ставили; труднее всего было мне понять в них отсутствие земного отечества, и в этом отношении мои симпатии были на стороне римлянина, и объяснил я себе самые успехи христианства тем, что Рим был уже космополит, наполняясь цивилизованными и нецивилизованными варварами, оторванными от родной орды, не успевшими еще создать своего отечества и бывшими просто племенами. Отечество в древнем мире имели только римляне (представитель их Тацит²), и они-то и упирались и гнали христиан. Римляне же из варваров и до христианства уже проповедовали *humanitas*^a (Сенека, «к>пример», он испанец³). Обо всем об этом много бы хотелось поговорить с тобой.

Но есть другой пункт, заживо меня затронувший за сердце. В «Отечественных» записках» в последних нумерах идет статья Скабичевского о прежних критиках.⁴ Доходит дело до Валериана,⁵ и он в двух статьях излагает его воззрения. Ты помнишь — я тогда мало интересовался его статьями; я еще слишком был наивен и большей частью их (стыдно сознаться) не читал. Прочел только теперь в извлечении. Прочел — и ужаснулся! Выходит, что он проповедовал космополитизм чистейший. Очень захотелось мне найти этому разъяснение, и так как ты тогда вырабатывал вместе с ним *идеи* (как вы «*нрзб.*» называли), то я желаю знать: какие книжки вы читали? Откуда все это взялось? Ведь, конечно, из книжек, не своим же умом. Я этих книжек не читал и остался цел, и в то же время как на одном столе, в одной комнате писалась его проповедь космополитизма, на другом, у меня, писалась «Две судьбы»⁶ и разные прозаические рассказы — «Русские в Италии», из коих 3 или четыре и теперь в рукописи и носят на себе отпечаток иных чувств.⁷ Мне странно теперь, как это случилось, что я с зажмуренными глазами прожил этот период. Если ты помнишь меня в то время, то опиши мне хоть в двух словах: каков я был и каков я вам казался? Не понимал, верно, вас? Кажался дураком, что ли? Что вы тогда обо мне думали? как выражался Валериан? Очень мне хочется это разъяснить. Достань «Отечественные» записки» (октябрь, ноябрь, декабрь), прочти, припомни и напиши откровенно.⁸

О твоём училище ты читал, вероятно, в «Голосе» — вот почему я не возымел никакого хождения по этому делу. Но признаюсь, подумал: не рано ли вы начали восхищаться? И полгода нет, как началось. Надобно бы подождать результатов. Для

^a гуманность, человечность (*лат.*).

пользы ли это дела преждевременная огласка? Что-то уж очень похоже на все, что у нас делается, начинается шумом и кончается шумом; вот эта аналогия как-то мне оскорбительна, когда под нее подводят и твое создание, начатое с благословением Божиим и добросовестно искреннее.⁹

Посылаю скорее это письмо к тебе, хоть бы надо было об этом многом еще поговорить и кое на что ответить, но боюсь, заявится, и потому в конце письма поставлю Vale,⁶ а на днях отправлюсь к Вале, посмотреть на статую: я назначил ему день — да был в тот день в царстве небесном¹⁰ и забыл; дня через два вспомнил, побежал, а уж он уехал.¹¹

Твой А. Майков.

1872, янв<аря> 8.

¹ Еще в молодости у Майкова родился замысел большого произведения о столкновении двух миров, двух нравственных философий — язычества и христианства. Над его воплощением поэт работал несколько десятилетий — вплоть до 1882 г., когда появилась окончательная редакция трагедии «Два мира». В 1863 г. в № 2 «Русского вестника» была напечатана «Смерть Люция» с подзаголовком «Вторая часть лирической драмы „Три смерти“». «Однако, — писал Майков в предисловии к «Двум мирам», — углубляясь в изучение того и другого мира, я чувствовал всю недостаточность, всю внешность черт, какими характеризовал ту и другую сторону в моих опытах; и в 1872 году поэма у меня совершенно пересоздалась. В „Смерти Люция“ героем, представителем греко-римского мира, у меня являлся эпикуреец, но этого мне показалось мало. Герой должен был вмещать в себе все, что древний мир произвел великого и прекрасного: это должен был быть великий римский патриот, могучий духом, и вместе с тем римлянин, уже воплотивший в себе всю прелесть и все изящество греческой образованности. Эпикуреец остался далеко назад пред этим образом. Вокруг этого нового героя, которого я назвал Децием (. . .), я сосредоточил все разнообразие современного ему римского общества времен падения, как фон, на котором должна была нарисоваться его фигура. Здесь я уже сделал все, что мог, в изображении языческого мира. Но понять христианский мир не только в отвлеченном представлении, а в живых осмысленных образах, в отдельных личностях, оказалось гораздо труднее, чем сладить с миром языческим». Результатом работы Майкова 1871 г. был текст, опубликованный в «Сборнике „Гражданина“» (ч. 2. СПб., 1872), «Собрании стихотворений» (ч. 2. СПб., 1872) и отдельном издании: «Два мира. Лирическая драма». Здесь отсутствовала еще вторая часть произведения («В катакомбах»), написанная позже и впервые напечатанная в 1882 г.

² Тацит Публий Корнелий (ок. 56—ок. 117) — римский историк.

³ Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э.—65 н. э.) — римский философ, писатель и политический деятель.

⁴ Речь идет о цикле статей А. М. Скабичевского «Очерки умственного развития нашего общества. 1825—1860», печатавшихся в «Отечественных записках» в 1870—1872 гг.

⁵ Валериан — младший брат Майкова (1823—1847), выдающийся критик и публицист 1840-х годов.

⁶ Поэма Майкова «Две судьбы. Быль» вышла в 1845 г.; дата цензурного разрешения — 30 декабря 1844 г.

⁶ Прощай (лат.).

⁷ Два из этих рассказов — «Прогулка по Риму с моими знакомыми» и «Пикник во Флоренции» — были напечатаны в «Современнике» (1848. № 9 и 11) под общим заглавием «Встречи и рассказы». Два других — «Марк Петрович Петров» и «Из приключений Горунина в Италии» — появились уже в конце жизни Майкова (Нива, 1890, № 1—2; 1892, № 1—2). В примечании к последнему читаем: «Оба они были набросаны вчерне еще в сороковых годах и должны были войти в состав целого ряда таких рассказов, связанных личностью предполагаемого путешественника, Горунина; он, казалось мне, представлял собою совсем особый, занимавший меня тогда тип». Ряд набросков, относящихся к другим несущественным рассказам, сохранился в архиве Майкова (ф. 168, № 16524, 16582, 16583, 17865).

⁸ 21 января 1872 г. Цейдлер писал Майкову: «Как сейчас помню целый ряд бесед с Валерьяном о космополитизме и патриотизме (слово национальность не было еще в ходу). Оба мы тогда пытались разграничить их области и никак не ставили их в противоречие одного с другим. Мы держались, а я и до сего дня держусь того мнения, что отвлеченные идеи истины, добра, прекрасного, религиозного) составляют область космополитизма; но человек, как член своего отечества, не может действовать — не может, а следовательно, и не должен искать иных средств и образов для воплощения этих космополитических или общечеловеческих идей, как в сфере отечественного, в области патриотизма или национальности. В твоих художественных произведениях мы не видели ни отсутствия космополитических идей, ни недостатка национального стремления, и потому никак и не предполагали какой-нибудь существенной розни с нашими взглядами. Не знаю, как понял Скабичевский основы Валерьяновой критики; но я не могу даже придумать ничего такого, что бы в этой критике походило на отрицание национальности, если только не игнорировать умышленно, что для критики нет высших, основных начал вне высших космополитических или общечеловеческих идей истины, «*нрзб.*» и т. д.» (ф. 168, № 16968, л. 1—1 об.).

⁹ Имеется в виду хвалебная статья об учительской школе московского земства, во главе которой стоял Цейдлер (Голос, 1871, 18 декабря, № 349). Статья написана на основании отчета попечительского совета школы. В ответ на упрек Майкова Цейдлер писал: «Да где же, друг мой, это восхищение? — разве в „Голосе“, а никак не в моем отчете, который у вас под руками. Справьтесь и улпчите» и т. д. (ф. 168, № 16968, л. 4—4 об.). О школе говорится и в других письмах Цейдлера.

¹⁰ Т. е. был поглощен работой над «Двумя мирамп».

¹¹ Валя — сын Цейдлера. 21 января 1872 г. П. М. Цейдлер писал: «Примите благодарность за Вальку моего. Как бы хотелось мне знать твое мнение о его „Христе“» (ф. 168, № 16968, л. 4 об.). Сохранились письма Цейдлера-сына к Майковым (ф. 168. № 16969).

8

П. М. ЦЕЙДЛЕРУ

1872. 21 окт<я>бря».

<...> Что теперь до меня касается, то скажу, что нахожусь в каком-то потерянном состоянии. Во вторник — вот уже четвертый день — как отнес в типографию для 2-й части сборника Мещерского своих христиан.¹ Точно выехали жильцы, такое чувство, как, <судя> по твоим письмам, у тебя по нашем отъезде.²

Из души выехали жильцы! Пока рукопись лежала на столе — проходишь мимо, бывало, посмотришь, — тут! что-то живое, трепещущее! И горд, и богат, и не один!.. Дело в том, что до воскресенья вечера, в моем представлении, вещь не была кончена, — по возвращении от вас много переделал и выделал. Все лица стали выпуклее, молодые патриции, Фабий, Лезбия, а главное, Марцелл — эти все от нескольких штрихов — впрочем, Лезбии придал характер честолюбия, чем она и хочет действовать на Деция. Главное же — Лида. Меня все беспокоил ее монолог — помнишь ответ на выходку Деция о разуме. Она рассуждала, а ей этого не надо. Стесняли и вязали хорошие стихи, которые она говорит. Наконец, перед отдачей в типографию, идя от Мстишки,³ на лестнице у него, в 12-м часу ночи, сымпровизировал новую ее речь. Я чувствовал, что если ее речь не есть лучшее место в поэме, то вся поэма не годится. И — свершилось! Я говорю в шутку, что само Провидение участвовало в создании этой поэмы, но со мной поступило жестоко, скрыв до последней минуты, что говорила Лида, и открыв только в самый решительный миг. — Получишь сборник (в половине ноября), увидишь и напиши.

Что-то еще надо было тебе сказать, да забыл, не припомню. На сей раз, впрочем, довольно. О Лиде сообщи батюшке⁴ и скажи, что скоро наступит время решения нашего спора: скоро поэма выйдет и будет ругана, конечно, прежде всего «Петербургскими ведомостями»,⁵ о чем ему буду сообщать в свое время, пожалев, что не подержал с ним *пари*. Не подержишь ли ты за меня? Но полно! такое неловкое попало перо, что, пожалуй, ты и не разберешь ничего, что я написал, а я хватился только при конце! Поклон всем вашим.

А. Майков.

¹ Т. е. «Два мира». См. примеч. 1 к предыдущему письму.

² Жена Майкова с сыновьями провела несколько месяцев на даче в Поливанове; туда же ненадолго уезжал и Майков (см. письма Цейдлера).

³ Т. е. от приятеля Майкова, М. В. Прахова (см. о нем в примечаниях к письму 11).

⁴ «Батюшка» — школьный священник, о котором упоминает Цейдлер в ряде писем к Майкову.

⁵ В «С.-Петербургских ведомостях», действительно, появилась вскоре статья В. П. Буренина, в которой он весьма резко отозвался о «Двух мирах»: «вялое и водянистое повторение самого себя» и т. п. (С.-Петербургские ведомости, 1872, № 352, 23 декабря).

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

〈Начало 1876〉.¹

Мы с Вами говорили о русской истории; я высказал Вам несколько моих взглядов и для большей ясности хотел доставить Вам две мои брошюры, где эти взгляды высказаны полнее. Но потом вот на чем запнулся: брошюры эти написаны в форме рассказов *для народа*, а эта форма Вам, ученому, может показаться недостаточною и оттолкнет Вас.² Могу Вас уверить, что в основе всего высказанного здесь лежит большая и серьезная работа; многие мысли, тут высказанные, впрочем, теперь уже явились и в серьезно ученой обработке, напр<имер> мысль, развитую во 2-м рассказе, Вы найдете в прекрасной статье Ламанского в «Братской помощи герцоговинцам» — рекомендую прочесть ее.³ Статья очень полезная; именно в ней тут Вы можете увидеть, как *недавно* произошло то, что наше общество *оторвалось* от великого исторического пути от *идеи, создавшей Россию*, вследствие какового оторвания и явилась возможность Чаадаевских воззрений. Понятно, почему из наших государей нынешнего столетия Николай имел еще непосредственное понимание этой исторической идеи и почему о Чаадаеве воскликнул: «он с ума сошел».⁴

Это-то оторвание от идеи и делает отдельные личности из нас какими-то сиротами, школьниками, которые убежали от немецкого гувернера с сознанием, что до него не дорастешь, а между тем дорога в отеческий дом уже потеряна, гувернер сделал невозможным ее отыскать, даже *хотеть* ее отыскать.

А между тем вернуться, понять *идею* — значит найти все, и дом и родину, и *смысл* для своей жизни, а оттого и *долг*, и *труд*, и *веселость*. Купите сборник «Братскую помощь» и прочтите статью — но, как художник, я желал бы, чтобы Вы прочли и мои брошюры.

А. Майков.

А вот еще, кстати: написав эту записку, стал я читать в том же сборнике статью Конст. Аксакова, прочел 6 страниц — увидел в ней то, что проповедую, — и восторгнулся — рекомендую прочесть — не знаю, что дальше будет, а эти страницы превосходны.⁵

Шифр письма: р. I, оп. 17, № 7.

¹ Письмо датируется на основании упоминания сборника «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцоговины», изданного петербургским отделом Славянского комитета. Он вышел в начале января 1876 г., см.: Указатель по делам печати, 1876, № 3, с. 42. Майков

напечатал в сборнике стихотворение «Опять горит Восток! Опять и кровь и стон...» — отклик на восстание Герцоговины и Боснии против турецкого владычества.

² Имеются в виду оттиски из журнала «Заря» (1869, № 5 и 8), где рассказы Майкова из русской истории появились впервые. Второй из них был впоследствии озаглавлен «Начало восточного вопроса».

³ Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — славист, профессор Петербургского университета, публицист славянофильского направления. В сборнике была напечатана его статья «Россия уже тем полезна славянам, что она существует», проникнутая идеями панславизма. Начало статьи Ламанского в известной степени перекликается с первыми двумя главами второго рассказа Майкова: «Взятие турками Константинополя» и «Москва — третий Рим».

⁴ Речь идет об известном «Философическом письме» П. Я. Чаадаева, напечатанном в 1836 г. в журнале «Телескоп». Чаадаев был объявлен сумасшедшим, журнал закрыт, а его редактор Н. И. Надеждин отправлен в ссылку. В это время Майков снова вернулся к положительной оценке Николая I. Ср. слова о нем в письме со стихотворением «Опять горит Восток!..»: «Уж близок Николай у цели был» и т. д.

⁵ Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — один из основоположников и идеологов славянофильства, поэт, критик, филолог и публицист. Первые страницы его незавершенной статьи «О современном человеке», о которых восторженно отзывался Майков, содержат характерные для славянофильства мысли о глубоком противоречии между «столькими открытиями» и «невероятными материальными усовершенствованиями», с одной стороны, и «страшной бедностью души» — с другой. Здесь говорится о лжи, самолюбивании, «умствованиях», рефлексии и отсутствии «цельности души», «внутренней правды», которые определяют внутренний мир и поступки человека из образованного общества, взявшего за образец Западную Европу.

10

О. Ф. МИЛЛЕРУ

«Декабрь 1876».¹

На этот раз я хочу, любезнейший друг, от Вас защищаться. Задавшись Эсхилом, Вы применяете свои требования ко всему. Я такого мнения: без *трагического* не может быть никакого хорошего рассказа, каков бы ни был его тон. Даже высшая степень комизма — есть трагическое. Посему, представляя Вам небольшой рассказ, действительно с трагическими мотивами, как Вы и сами признаете, я Вам дал очень много; а если *за* ним открывается еще далекий фон и над ним широкий горизонт и если Вы это почувствовали, поэт может быть доволен собой. Необходимое условие всякого хорошего произведения — чтобы лица были *видны*. Я удивляюсь, что Вы моих лиц не видите! Генерал-аншеф, княжна, Женья — один род, в них фамильная черта, но *век* иной. Если Вы разумеете отдельные, более подробные, индивидуальные их черты, — то уж о княжне — она совершенно ясна. Девочка так и рисуется в строфе 91 и 92, особенно в 92. Не говоря уже о том, как все лица рисуются из их языка. Я сам чув-

ствую, что в этой поэме в *малом* дано *очень много*, и притом все сконцентрированное, не размазанное. Из Ваших слов следует, что зачем я написал поэмку, когда сюжет хватит на трагедию? Но нет ли на это законных причин? И *охвачу* ли я столько в трагедии, сколько охвачено здесь? Нет-с, верьте, что одно *верно*: поэтические вещи *рождаются в своей форме*, и вся эта штука у меня и первоначально мерещилась в этой форме, в октаве, и все развитие, ход рассказа. Значит, так тому и быть. Вы ссылаетесь на «Два мира»: а разве можно исправить в нем безобразие его постройки — несколько маленьких сцен и громадный, из эпизодов состоящий пир, и в конце — прения о вере? Это безобразно, но так надо, по *внутреннему* закону. И здесь тоже.

Я полагаю, что много невыгоде Вашего суждения способствовали Ваши слушатели — два студента (Вятка! Саратов!). Конечно, притом из семинарии! Да что они могут понимать из *дворянской* России? Одному так вон и слушать *не хотелось* первой главы: понятно, он ничего *этого не знает*, не видал, по-французски, наконец, не понимает. Я уверен, в петербургских Ваших обыкновенных слушателях Вы нашли бы другое понимание и впечатление. Да они как семинаристы, притом и *по положению* своему — лишены исторического чутья. Им доступна история только Мордовцева.² Семинаристы, не пошедшие в поны и монахи, а в гражданае, отрезаются от всяких отеческих преданий и должны сами себе *выдумать* жизнь, все до малейших подробностей *выдумать*, а не *принять* и не *продолжить* предание, заведенное в доме, его модифируя сообразно веку и характеру. Они — в силу того — необходимые рационалисты, и рассуждают так — *рационально* ли, напр<имер>, чесаться, стричься, стремиться к красоте, писать, делать добро, вести войну и т. д. — о всякой подробности общей и житейской. Поп и монах (из них же) совсем другое дело: они попадают в жизнь предания, из глубины веков идущего и роднящего их с исторической Россией.

Теперь о *тоне*. Вы говорите, его нет. А я вижу его и чувствую. Во-первых, ирония: она относится к *свету* (le monde); где салонный свет — там ирония, где натура, где живое — естественно, тон сочувственный, и выходило это само собой, без премедитации. Это кажется так ясно, что нельзя ошибиться, как читать. Вот Ваша немка заметила: быстрые переходы. Это-то заметил мне и Салиас:³ подымете на высоту, и вдруг — *куафер* или что-нибудь подобное.⁴ С этим нельзя не согласиться. Но можно было бы устроить *спуски* — только это лишние строки, удлинение. У меня насчет некоторых мест есть некоторые предположения и изменения (уже отчасти сделанные), но я уж и не решаю Вам их посылать, ибо у нас уже как бы и нет *почвы* для разговора. По-Вашему, все надо бросить, написать вновь белыми стихами, может быть в драматической форме, и пр. А я могу представить только маленькие поправки существующего. Если же *все* не годится, значит всякая отделка есть толчение воды. Вы уж так

предубедились, что находите рифмы дурные: это уже заживо задевает. Покажите! В рифмах я держусь Пушкина; он рифмовал наречия с прилагательными: прекрасный, напрасно, ужасной. Я и подозреваю, что только этот разряд Вы считаете дурными рифмами. Прошу, укажите, что Вы понимаете. А в пределах, допущенных Пушкиным, — никого нет строже меня. Разве, может быть, *poudre de riz*. . .^{а, 5}

Теперь еще вот что. Самые драматические минуты действия: смерть княжны (<строфы> 102—106),⁶ изгнание Жени, собственно *факты*: они, мне кажется, мастерски сконцентрированы, взято только главное слово (Чего ж стоишь! Простись) без мази, а когда я читал, производили сильное действие. . .

Но мне, впрочем, совестно быть своим адвокатом, и смешно. Вы говорите: все не годится! а я что же буду доказывать: все прекрасно!.. Конечно, тут грустное одно: это уж мое последнее, лебединое. . . Ведь существую я пока только каплями да пилюлями. . . Весной посылают опять в Карлсбад, а там купаться в море, т. е. весь классический путь к смерти. . . И вдруг это лебединое — не пенье а . . . воно!.. даже ничего не представляет, кроме возможности быть чем-то, если его сжечь, да выжидать вдохновенья на новую форму! Так-таки — ничего? ничего! кроме *возможности*! Но увьи! и того, что бы следовало теперь сделать — нельзя сделать. Следовало бы отложить всю штуку в стол, и потом бы ей явиться в свет в качестве посмертного творения. Так вот этого-то и нельзя: я должен ее напечатать, чтобы на эти деньги ехать лечиться.⁷

Но нет, хоть я Вам *безусловно* верю насчет своих стихов, все-таки оставляю времени решить, кто из нас прав: действительно ли *бесцельно* и *бесполезно* делать какие-нибудь частные заметки — или в поэме есть *что-нибудь*. . . Страхов, слышавший раз 5, собрал на прошлой неделе человек 10 — Кускова, Данилевского (Николая, «Европа и Россия»), Семенова, Покровского. Случевского, Ратынского (знаете Вы этого? очень тонкий эстетик), Зверева (Ивсана) Павлковича, русская история) и пр., и успех чтения превзошел мои ожидания (это не два семинариста!).⁸

Вот сколько горечи я Вам излил. Любопытно, что скажет Висковатов.⁹ Теперь уж он, чай, дома и прочел. Он, <может> б<ыть>, не сделает ли частных заметок. Но в заключение я должен Вас искренне поблагодарить за Ваше письмо. Понимаю, как трудно сказать приятелю: ты написал говно! и какую надобно великолепную раму поставить для этого приговора! Ваша же рама — верх совершенства! Сердце билось читая — и вдруг результат — туманное пятно! бесцельны и бесполезны частные заметки. Растопи печь и кивь. . . Да, это нелегко, и я ценю это с Вашей стороны как подвиг дружбы. Поверьте, что без иронии говорю.

^а Рисовая пудра (*франц*).

Ну, если и я что переписал, то простите: к органической болезни присоединилась еще простуда — все время бьет лихорадка, вот уж четвертый день.

Нельзя ли сжечь это письмо?

Весь ваш А. Майков.

Речь идет о поэме «Княжна», написанной в 1874—1876 гг.; напечатана в «Русском вестнике» (1878, № 1) с подзаголовком «Трагедия в октавах». В 1887 г. в письме к своему биографу М. Л. Златковскому, в связи со своими многолетними занятиями русской историей, Майков вспомнил и о «Княжне». Он писал: «Наконец венец моей работы мысли в этой области — это „Княжна“, в которой когда-нибудь признают и догадаются, что это не княжна Икс, не княжна Зет, а история всего русского дворянства, его заслуг, его греха с Западом и его падения, орудием коего избрана ее же прижитая с езуитом нигилистка, незаконная дочь» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 52). Изучив по рукописным материалам творческую историю поэмы, Л. С. Гейро пришла к следующему выводу: «Создавая „Княжну“, Майков шел от замысла остро сатирической поэмы <...> обличающей крепостнический и антинародный характер взглядов главной героини, к трагедии, в героине которой, по его словам, „олицетворена“ „прошлая жизнь наша, т. е. высшего общества, порвавшего духовное единство с народом. Но это общество все еще связано с народом историей и — крепостным правом. Оно все еще — хранитель исторического предания, хоть по инерции, но все идет по пути исторического призвания России. От этого оно имеет свои пороки и вместе доблести, при измене духу, все-таки славные воспоминания, участие в создании величия России, хотя бы политического и военного. Но это период законченный...» (Майков А. Н. Избр. прозв. Л., 1977, с. 849). Своё понимание поэмы Майков подробно изложил в заметках, озаглавленных «Мысли о толках, порожденных „Княжной“» (ф. 168, № 16487, л. 146—148). Через много лет, остановившись на «Княжне» в своей статье о Майкове, Миллер отметил, что «крайняя озабоченность нигилизмом» очень помешала поэту (Русская мысль, 1888, № 6, с. 37—39).

¹ Сохранилась последняя страница первоначального варианта этого письма с датой: «1876. Дек[абря] 23».

² Мордовцев Даниил Лукич (1830—1905) — русский и украинский писатель, публицист; автор ряда научно-популярных работ о народных движениях: «Самозванцы и понизовая вольница», «Гайдамачина», «Политические движения русского народа»; в 1860—1870-х годах сотрудничал в журналах демократического лагеря: «Русское слово», «Отечественные записки», «Дело».

³ Салиас Евгений Андреевич (1840—1908) — писатель, автор романа «Пугачевцы» и других исторических романов и повестей.

⁴ См. начало второй главы «Княжны»: здесь и куафёр (парикмахер), и модистка, и трюмо, и помада, и духи — «и надо всем — незримый Извечности посол неумолимый».

⁵ Имеется в виду строка «У ней в лице, под дымкой *poudre de riz*», где «*poudre de riz*» рифмуется с «не прочли» и «не могли». На упомянутой выше странице первоначального варианта письма читаем: «*poudre de riz*? но ведь это шалость».

⁶ Судя по указанию «смерть княжны (102—106)», текст поэмы был несколько увеличен; в окончательной редакции смерть княжны описана в конце десятой главы (строфы 111—114).

⁷ И все же поэма была напечатана лишь через год.

⁸ Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — философ-идеалист, литературный критик и публицист «почвеннического» направления (вариант

славянофильства), приятель Майкова; был близок с Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Приглашенные Страховым на чтение «Княжны»: Кусков Платон Александрович (1834—1909) и Случевский Константин Константинович (1837—1904) — поэты; Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885) — в молодости фюрерист, привлекался к делу Петрашевского, впоследствии философ и публицист консервативного лагеря и естествоиспытатель-антидарвинист, автор книги «Россия и Европа»; Рагзинский Николай Антонович (1821—1887) — литератор и цензор, член Общества любителей древней письменности (узнав о его смерти, Майков писал Полонскому 4 октября 1887 г.: «Это был один из очень немногих оставшихся, который понимал поэзию и стихи» — ф. 168, № 16684); Зве-рев Иван Павлович (ум. в 1903 г.) — педагог, учитель истории, впоследствии член Ученого совета Министерства народного просвещения. О каких именно Семенове и Покровском идет речь — неясно.

⁹ Висковатов — см. комментарий к письму 11. Как он отнесся к поэме «Княжна» — неизвестно.

11

II. А. ВИСКОВАТОВУ

К событию, о котором Вы мне сообщаете, я уже давно был готов.¹ Но совершившееся тем не менее поразило меня. Самого умного в той сфере, к которой мы с Вами принадлежим, в понимании искусства, истории, филологии — не стало. А кто это чувствовал, сознавал и ценил? Не приходилось ли нам (мне по крайней мере постоянно!) всегда защищать или объяснять его почти перед *всеми* профессорами, учеными, патентованными, признанными, господствующими и увенчанными — и вас слушали сонисходительной улыбкой! Не по их шаблону образовался этот человек! А отчего? Этого они никогда не поймут, ибо, он же говорил, их ученость — знание и изучение переплетов! Все для них важное давно им было проглочено и уже извергнуто, оставив только то, что питает, — идея, внутренний смысл, правда жизни, следовательно синтез всего — поэзия! Филология у него разрешалась в поэзию, в творческое воссоздание. Годы моей близости с ним были для меня новой школой, новым университетом. Никто в моей жизни мне столько не дал, как он. Мстиша, Мстиша! смотри на эти строчки, обливаемые слезами, и да будут они тебе — твоя от твоих!..

Ах, сколько жгучих вопросов возбуждается — этих отчего? да почему? Почему оставил он след только в нескольких людях, в немногих, — Вы, да я, да, может быть, его дерптские слушатели? Отчего он не проявил своих сил на всю нашу науку, на общество? Отчего он не мог писать? Отчего что он писал было — не то, не так сильно и выразительно, ясно и просто, как говорил? Этого я до сих пор не понимаю. А болен-то уж он был давно: не от болезни ли это?

Но от него остались груды бумаг. Никому как Вам их <не> разобрать и, может быть, извлечь оттуда перлы его мысли. И это, право, было бы важнее Ваших занятий Лермонтовым. Лермон-

тов — явление законченное, ясное и определенное. Откройте Мстишу. Это будет новое. Работа благодарная. Я об этом буду говорить в семействе. Из семейства разве Лидия могла бы Вам помочь. Она едва ли не одна его понимала вполне. Мать — инстинктом.

Меня прерывают. Спешу отослать Вам эти строки.

Мстиша давно уже для нас угасал. Умри он внезапно — в блеске своих сил, перед отправлением, например, в Дерпт, — какой бы удар был? Понемногу — я по крайней мере — привыкал не иметь его подле себя — была, правда, надежда — но вот и она оборвалась.

С покойником невольно сводишь счеты. Я уж сказал, что мне никто столько не дал, как он. Но что *мы* ему дали?

А как он понимал христианство? высокую нравственность христианства? Какую чудную поэму слагал из евангелия — и в особенности Луки. В его бумагах есть книга in folio, где он таил <?> разные черняки, и между прочим для своей невесты (помните?) — там есть страницы об этом. Он мне читал. Прелесть. Вам надо разобрать его писания, непременно.

До свидания!

А. Майков.

Января 27 1879.

Он был — величайший поэт в пониманьи! Чего-то недоставало до творчества — но чего же, чего? А в понимании он превосходил всех нас!

Шифр письма: ф. 168, № 17380, л. 3—4, среди писем к неизвестным лицам. В ИРЛИ хранится еще одно письмо Майкова к П. А. Висковатову (ф. 241, № 13568). Письма Висковатова к Майкову: ф. 168, № 16745.

Висковатов Павел Александрович (1842—1905) — историк литературы, доцент, а затем профессор Дерптского университета, исследователь Лермонтова.

¹ Мстиша, о кончине которого скорбит Майков, — Мстислав Викторович Прахов (1840—1879), педагог, поэт и переводчик; друг Майкова, который высоко ценил его исключительное поэтическое чутье; в 1877—1878 гг. доцент Дерптского университета, преподавал русский язык и литературу.

12

М. П. БОТКИНУ

<Конец марта 1883>.

Многоуважаемый Михаил Петрович!

Душевно благодарю Вас за Ваше любезное предложение мне принять участие в праздновании 400-летия Рафаэля; но увы, оно застало меня в весьма тяжкие для меня дни: вчера делали труд-

ную операцию моему сыну, и мы еще не уверены в ее добром исходе. Вся душа, все думы мои — там. О светлом же Рафаэле говорить — надо иметь и светлую душу. Могу только послать мысленно привет академии, что она устроила этот праздник Красоты, увы, попираемой в нынешнюю полосу искусства; реализм полагает, что красота не реальна! Душевные движения, восторг, умиление, вдохновение, экстаз, горе, отчаянье и пр. не *реальны!* что все открываемые в мире мысли и чувства — не реальны! Можно только согласиться, что это не реально только для того, чей глаз не видит, чья душа не способна чувствовать и ум возвышаться над спокойной видимостью, не способен проникать внутрь вещей. Дай бог, чтобы это кунсткамерное направление скорее кончилось, чтобы Рафаэль — ныне чествуемый и выставленный в почитании художников — напомнил им о потерянном ими пути и вывел бы опять на верную дорогу.

Шифр письма: ф. 168, № 16733. Это черновик на письме М. П. Боткина от 21 марта с приглашением принять участие в заседании Академии художеств 28 марта.

Боткин Михаил Петрович (1839—1914) — художник, академик и член совета Академии художеств. Об этом заседании см. брошюру: Празднование памяти Рафаэля в С.-Петербурге 28 марта 1883 г. Приложение к 1-му тому журнала «Вестник изящных искусств».

1883 г. датировано стихотворение Майкова «О царство вечной юности И вечной красоты...», в котором в ряду «светлых гениев», рядом с Лизиппом и Праксителем, Пушкиным и Моцартом, назван и Рафаэль: «С бессмертными Мадоннами Счастливый Рафаэль...».

13

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Кадыкиой. 1887, окт⟨ября⟩ 24.

Любезнейший друг Яков Петрович!

Не писал я тебе — и должен быть признан виноватым. Но уж эта вина со мной родилась; это вина хроническая. Если б мне не писали, сам бы я, кажется, при всем желании и любопытстве знать что-нибудь о друзьях моих, едва ли бы собрался взяться за ненавистное мне орудие — перо. Но получать письма — другое дело, и рад, и благодарен — а тебе и тем паче, что ты сообщаемшь мне кое что из нашей общей текущей жизни. На днях я писал Златковскому,¹ между прочим, о том, что «не всякому слуху верь» — по поводу твоего же письма, где ты рассказал мне о мнимои субсидии из Госуд⟨арственного⟩ казн⟨ачейства⟩ Мещерскому² — пменно не следует верить слухам, идущим из литературы, это большею частью *commerages de la basse-cour*.³ Хорошо,

³ а пизкопробные сплетни (*франц.*).

что можешь поверить, прийти к Вышнеградскому,³ а то ведь так эти глупости и в дневники запишут, и будущий Семейский⁴ напечатает, и историки подхватят, *et c'est ainsi qu'on écrit l'Histoire.*⁶ И потом нужны Нибуровские труды,⁵ чтобы открыть ложь.⁶

У нас после бурной недели в начале этого месяца наступила чудная погода, хотя с осенним оттенком; ясность воздуха невероятная, так хорошо, что грустно, как-то страшно подумать о предстоящем возвращении в «стигийский» мрак, как говорит Тютчев.⁷ Этого войлока на небе — не переносу, и мысль об нем здесь — приводит в содрогание. Живу притом в полной праздности — отчасти по причине глаз, начинающих меня тревожить, отчасти по склонности, отчасти по причине младшего сына, расположение духа которого для нас есть нравственное солнце и душевный стигийский мрак. Дело в том, что он ужасно впечатлителен и раздражителен. Чуть не в духе, кажется, что скрывает какую-нибудь тревожащую его боль, между тем как большею частью оно зависит и от других причин, именно удач и неудач его живописных дел. Здесь он написал портрет одной девочки лет 11, из семейства, жившего тут же в отеле. Вышло прекрасно, но пока писал, пережил эти ужасные переходы в расположении духа. Теперь делает мой портрет, и еще больше, кажется, волнуется. Не знаю, что выйдет из моего, но то вышла прекрасная головка — девочка-то болезненная.

Прочел еще в твоём письме, что ты пишешь нечто русским размером, — и ужаснулся. У меня есть три вещи, написанные этим складом, и много начал, но все это я бросил, ужасно трудно, да и не люблю я его. Надо прижать и сузить свою мысль, краски брать готовые, помещать целое предложение в одном стихе; удастся только тогда, когда будет вещь совершенно архаическая. Это уж не наш язык, не нашего общества и времени, а весьма до Петровского, почему и мысль не должна выходить из сферы мысли той эпохи. Разве повесть о Калашникове⁸ хороша? Совсем нет. Да и Пушкину удалась только сказка о Балде, и отчасти Рыбак и рыбка. Очень, очень опасуюсь за твой замысел. Ты сам пишешь, что боишься, что выйдет аллегория. Непременно выйдет: помани мое слово. Потом вот еще соображение: разве можно теперь написать что-нибудь совершенно по-гомеровски? То же и с русским складом. Во всяком случае любопытна твоя попытка — и не напрасно ли я тебя разочаровываю, пока ты не кончил? Во всяком случае в моих словах, сказанных вообще, ты, может быть, найдешь некоторые соображения, чего избегать и к чему стремиться.⁹

Жизнь наша здесь очень не богата происшествиями, чтобы об ней говорить. И по характеру-то я домосед, да и живу за городом, где сообщение регулируется отходами пароходов, прекра-

⁶ и вот так пишут Историю (*франц.*).

щающими рейсы к захождению солнца; только со здешними польскими обменялся визитами, и в жизнь их не вошел, а сам тоже не могу ничего внести в их жизнь. Она уже сложилась от продолжительного сожительства, так сказать, завинтилась в своей сфере, и постороннее тело отскакивает от движения винта. Я же привинтиться к ней не могу, ибо и в винт не играю. Вот Гопчаров на моем месте сумел <бы> свести много интересных знакомств, со всеми послами и послцами и замечательными путешественниками — у него на это и талант и охота, — были по крайней мере, — ну, а я на этот счет плох. Да представь себе: к ужасу моему вдруг заметил, что совсем отвык говорить по-французски: это служба в Комитете-то цензуры иностранной! Отвык да и только. Сыновья лучше говорят, — а бывало не лез за словом в карман, т. е. за французским словом. А ведь французский язык до сих пор необходим для разговора с русскими домами, и хороший французский язык. Что делать! Видно — старость. Но вот и конец бумаги. Полно болтать! Поклон всем твоим от меня и моих — до свидания!

Твой преданный А. Майков.

Шифр письма: ф. 168, № 16684 (письмо № 16).

Данное письмо является ответом на письмо Полонского от 6 октября 1887 г. (ф. 241, № 11753, л. 31—32). Кадыквой — поселение в азиатской части Константинополя, на Малоазиатском берегу Босфора. Сын Майкова Владимир служил в русском посольстве в Константинополе. Там же жил и его младший брат Аполлон, художник. Майков провел у сыновей всю осень 1887 г.

¹ Златковский Михаил Леонтьевич (1836—1904) — сослуживец Майкова и его биограф (см.: Аполлон Николаевич Майков. Биографический очерк. СПб., 1888; изд. 2-е. СПб., 1898), цензор Комитета цензуры иностранной.

² Мещерский Владимир Петрович (1839—1914) — реакционный публицист, близкий к придворным кругам; издатель-редактор газеты-журнала «Гражданин».

³ Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895) — ученый в области механики, министр финансов в 1887—1892 гг. Майков был хорошо знаком с Вышнеградским и бывал у него.

⁴ Семевский Михаил Иванович (1837—1892) — историк, редактор-издатель журнала «Русская старина».

⁵ Нибур Бартольд Георг (1776—1831) — немецкий историк античного мира, основоположник критического метода в изучении истории.

⁶ Сообщив Майкову о ходившем в Петербурге слухе по поводу субсидии Мещерскому, Полонский в конце того же письма опроверг его: он был у Вышнеградского, который сказал, что это «суший вздор». Между тем Мещерский действительно в течение нескольких десятилетий получал крупную правительственную субсидию на издание «Гражданина». Об этом недвусмысленно свидетельствует такой осведомленный человек, как С. Ю. Витте. «Как-то раз, когда я уже сделался министром финансов, — пишет он в своих воспоминаниях, — приезжает ко мне Дурново и говорит, что вот ежегодно испрашивается определенная сумма денег, а именно 80 тыс., для редактора и издателя „Гражданина“, что деньги эти назначались из фонда на чрезвычайные надобности; что сумму эту испрашивал министр финансов и передавал ее в Министер-

ство внутренних дел, а министр внутренних дел вручал эту сумму Мецкерскому. (Я припомнил тогда, что действительно, когда я был министром путей сообщения, то иногда у Вышнеградского я встречал, между прочим, и Мецкерского)» (В птте С. Ю. Воспоминания, т. 3. М., 1960, с. 578; см. также: т. 2, с. 558; т. 3, с. 460, 581). Разумеется, Вышнеградский не мог сообщить Полонскому об этих сохранявшихся в тайне денежных выдачах, а Полонский и вслед за ним Майков наивно повели в бескорыстие Мецкерского.

⁷ «Стигийский мрак» — мрак, царящий в царстве мертвых, где протекает река Стикс (античн. миф.). Ср. стихотворение Тютчева «Графине Е. П. Ростовичной»: «Во мгле стигийской роковой».

⁸ Т. е. «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова.

⁹ Размышления Майкова были вызваны сообщением Полонского: «Пишу нечто вроде былины, где фигурируют и Богатырь, и Кривда лукавая, и Горе-злосчастие. Что из этого выйдет, не знаю. Очень боюсь, чтоб не вышла какая-нибудь аллегория. Размер былин — или песни о купце Калашникове Лермонтова — размер для меня новый... и ты представить себе не можешь, как им трудно писать, в тех местах, где рассказ требует кой-каких подробностей, чуждых старинному складу наших былин». В следующем письме Майков продолжал свои раздумья о народном стихе: «Я, может быть, произвел на тебя неприятное впечатление, написав тебе о так называемом русском размере. Я говорю так называемом, потому что русского стиха и стихосложения нет. Есть только *голос*, музыкальный мотив, который выдерживается строго, слова же (или слоги) удвояются, утраиваются (например, Сла-а-а-а) или на одну ноту (или на один слог) вставляется целое слово из множества слогов. А ударения? всегда там, где требует мотив. Притом стихов у нас не писали до семнарских (киевских) силлабических виршей, ибо это были первые стихи, которые читали. Все же прочее сочинилось и в то же время пелось. С прекращением русского пенья кончилось и русское стихосложение. И воскресить его до сих пор еще никому не удалось; и если я в своем письме говорил о Пушкинских сказках, писанных русским размером, то это ведь сказки, которые и не пелись, и имеют свой лад, где стопы не имеют никакого значения. Написал же я все это тебе, испугавшись за твое намерение взять этот размер; я думаю, что ты поправишь и бросишь и найдешь другую, свою форму и таким образом духовный капитал старины заключишь в новые меха и лучшие и прочнейшие старых <...> Приеду, посмотрю твое Горе Злосчастие и буду рад, если ты победишь мои предубеждения против размера» (ф. 168, № 16684, письмо № 17; оно неверно датировано 4 октября). 21 октября Полонский писал Майкову, что окончил свою «Песнь о Правде истинном и Кривде лукавой», но не знает, что получилось: «Это или очень дурно, или очень хорошо. Никому еще не читал и себя не проверил. Если мое произведение просто оригинально, то это хорошо, а если оно оригинально только потому, что ни на что не похоже (даже на русские былины), то это скверно. Очень сожалею, что не могу тебе прочесть и слышать твое мнение» (ф. 168, № 16904, л. 3 об.—4). Под заглавием «Повесть о Правде истинной и Кривде лукавой» произведение напечатано в журнале «Нива» (1888, № 1—3).

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Любезнейший друг Яков Петрович! Ты мне говорил, что тебе выражено желание от Общества любителей российской словесности в Москве прочесть 30 апреля в заседании его мою

«Брингильду». Я было стал переписывать, но остановился вот на какой мысли: писана поэма четырехстопным дактилем,¹ а у нас все стихи трехсложного размера читают не иначе, как скандуя их на манер школьного чтения латинских и греческих стихов. При этой манере чтения эти размеры делаются противны, однообразны, как игра на фортепиано или целый оркестр, где только математически верно выбивается такт. Ну как, думаю я, да начнут в Москве на заседании скандовать 376 моих стихов и сделают ровно $376 \times 4 = 1504$ ударения! Не говоря о том, <что> пропадет и характер и строй поэмы, и монологи действующих лиц, все выражение, вся душа создания, от одного отбивания ударений заснет, если не разбежится, аудитория. В моем же чтении все сказанное до того выходит рельефно, что *драматург* Аверкиев² и *артист* Писарев³ сказали, что «вот размер для сильных драматических мест, несравненно благодарнее пятистопного ямба», — и Аверкиев решил им воспользоваться в своих будущих трудах; Кутузов⁴ же называет это просто «открытием». Открытия тут нет никакого, а есть только изобличение нелепости господствующей манеры чтения. Посему я и решил: если есть в настоящее время в Петербурге кто-нибудь из лиц, читающих в Обществе любителей российской словесности, то попросить это лицо ко мне, я бы ему прочел, и вообще бы прошел с ним его роль (чтеца), как драматические писатели проходят роли актерами. Если ж такового лица не имеется, то я предпочитаю лучше лишиться удовольствия послать мою пьесу в Москву. Многие из наших общих друзей убеждают меня остановиться на этом решении, считая все мною написанное выше — совершенно справедливым.

Завтра я буду на заседании нашего Комитета⁵ в его помещении — может быть, не зайдешь ли хоть к концу оною.

Твой А. Майков.

1888. 19 апреля.

Шифр письма: ф. 168, № 16684 (письмо № 18).

Кроме двух публикуемых писем, в ИРЛИ хранятся еще 42 письма Майкова к Полонскому (под тем же шифром, а также: ф. 241, № 12220 и ф. 168, № 16696, л. 38—39, среди писем к жене). Три из них опубликованы в «Ежегоднике Рукописного отдела на 1975 год» (Л., 1977, с. 95—107). Письма Полонского к Майкову: ф. 168, № 16904; ф. 241, № 11753.

Поэма «Брингильда» была окончена в марте 1888 г.; напечатана в июньском номере «Русского вестника» за этот год. 30 апреля 1888 г. праздновалось пятидесятилетие литературной деятельности Майкова. Сохранилось ответное письмо Полонского, в котором он соглашается с доводами Майкова (ф. 168, № 16904, л. 15 об.—16). А в письме Майкова к сыновьям от 20 апреля 1888 г. читаем: «Я вам, кажется, писал, что отказал просьбе прочесть в Москве в день юбилея „Брингильду“, в уверенности, что ее не прочтут, а проскандуют?» (ф. 168, № 17892а, л. 11—11 об.). На праздновании его юбилея в Петербурге Майков прочитал поэму сам (Исторический вестник, 1888, № 6, с. 693).

Майков придавал большое значение чтению стихов и много раз размышлял об этом, в частности в связи с «Брингильдой». Вот отрывки из писем к сыновьям (ф. 168, № 17892а₂, л. 3—4, 7—7 об., 11—11 об.): «Нет-нет, да и вернется моя мысль к „Брингильде“. Нашел ли ты тайну ее читать, Володя? Только не скандуй дактилем и ставь ударенье, где требует смысл, например» ударь на подчеркнутые слова в стихе:

Нет моего короля, нет Олафа и там!

А в этом стихе только на первых двух словах, а прочие прочти как строчку прозы:

*В полную грудь мне хотелось вздохнуть
в первый раз!*

или:

Пела во всю свою волю победную песнь! <...>

Эта игра ударений, разнообразие их по месту в каждом стихе не дает возможности установиться скучной монотонности трехсложного стиха, и неопытное ухо никак не может даже уловить, каким размером писана поэма, чувствует только плавность и гармонию речи. А эти качества в „Брингильде“ чаруют меня и до сих пор, особенно когда она сама заговорила — ее возвышенный поэтический тон, как блуждала по белым снегам — замок, наконец ее душевная речь <...> Ах, голубчики, вычитесь читать и вообразите меня, вам читающего. Ведь в этом роде у меня еще ничего не было писано. Новая форма! новое содержание! и я не знаю ничего; мне ее напоминающего!» (13 апреля 1888 г.). «Между прочим он (Голенищев-Кутузов, — И. Я.) сказал, что я своим новым размером и главным чтением этого размера стихов в „Брингильде“ — сделал открытие, что им поражены Аверкиев и Писарев, находя что в драме употребляемый всегда ямб никогда не даст такого разнообразия, гармонии, силы и — естественности речи. А штука простая: размер все знали давно, да читали скандуя, т. е. исполняли пьесу так, как исполняют дирижеры и музыканты, математически точно отбивая такт. Я же читаю его, как Февильяни дирижирует. И действительно, все эти качества, исчисленные выше, у меня в стихе оказываются, сам чувствую. Добился ли ты, Володя, того же в чтении или все отпрыгается гимназия?» (18 апреля 1888 г.). «Завтра вечером пойду к Кутузову на просьбу Цертелева и других читать „Брингильду“ <...> О чтении стихов у нас в кружках подымается вопрос, и в будущий сезон займется в обществе (т. е. Литературно-драматическом) его решением. Я убежден, что моя манера восторжествует. Ведь и гекзаметры можно читать, как я читаю „Брингильду“, если бы только авторы, пища, не коверкали постановку слов, совершенно нелогическую, и писали бы естественным языком, без диких перестановок слов, как, например, у меня написана „Айя София“, Послание к «вселенному» князю», простая, натуральная речь, и легко видно, на какое напереть слово, отчего и не представляется необходимости отбивать стопы, как консерваторки и их дирижеры отбивают такт, жертвуя смыслом и выражением математике!» (20 апреля 1888 г.). Характерно, что в последнем прижизненном издании 1893 г. (Полн. собр. соч., т. 3. СПб., 1893, с. 381—382) Майков сопроводил «Брингильду» следующим примечанием: «Бога ради, читая вслух, не скандуйте стихов, как, к сожалению, у нас принято при чтении греческих и латинских поэтов и переносите также и на русские трехсложные размеры; не надобно думать совсем о размере: читайте как прозу, но выразительно, где требуется, и с ударением на те слова в стихах, на которые следует по смыслу. Скандование убивает всякое одушевление, всякий лиризм, все переизбыток чувства, словом, пропадает вся сила диалога. В речах Гудруны и еще более Брингильды — скорее декламация, а не скандование... (Из письма автора)».

И в другие годы и по другим поводам Майков возвращался к вопросу о чтении стихов. Так, 23 апреля 1890 г. он сообщил сыну Аполлону, что его посетила двоя пушкинского друга П. В. Нащокина. «Но вот что меня интересует и чего я не мог ни от кого добиться: как Пушкин читал стихи? какой манерой? Из современников его я слышал Шевырева: тог пел и раз истерзал меня, пропев мне „Клермонтский собор“, пьесу драматическую, живую! Назвал и других. Затем сказал, что я сам сочини свою манеру, т. е. не сочинил, а стал читать, как чувствовал что надо. — Ах! он читал, так сказать, ужасно просто и вместе с тем очень выразительно. — „Ну, позвольте мне вам кое-что прочесть и скажите мне, какая разница с Пушкиным“. И прочел: „о море“, дожа, „Над необъятною пустыней океана“, „Зачем смущать меня под старость“, — всё в разных родах и тонах — и она мне сказала, что именно так читал и Пушкин. и что разные стихотворения и он читал разнo. Вот это для меня весьма драгоценное приобретение» (ф. 168, № 17892в, л. 122 об.—123). Через четыре года, 24 января 1894 г., Майков писал другому своему сыну — Владимиру, что смотрел «Царя Эдипа» Софокла (гастроли Ж. Мунне-Сюлли) и остался очень доволен. Он производит потрясающее впечатление даже на петербургскую публику, «если его читать, не скандуя на варварский манер греческих стихов, а играть со смыслом, как, вероятно, играли и греки». И дальше: «По поводу этого скандования у меня в памяти курьезный отзыв поборника классицизма <А. И.> Георгиевского. Как-то прочел я у Вышнеградского „Кассандру“. Как я ее читаю — вы знаете. Эффект был большой. Я и говорю: каков Эсхил-то! Георгиевский и замечает: „Ну, да вы прибавили много своего!“. За строгую же верность перевода я стою. Георгиевский знает почти наизусть оригинал. Все же дело было в прочтении с умом, чувством, входя в роли. А вот это-то этим господам и не снится, ибо они только монотоннейшим образом отбивают стопы <...> И вот эти французы играли „Эдипа“ так, как бы я читал свою „Кассандру“, с увлечением, со страстью...» (ф. 168, № 17004, л. 4—4 об.).

О том, как Майков читал стихи, сохранились также свидетельства современников. О выступлении поэта на литературно-музыкальном вечере в 1862 г. узнаем следующее: «Он не пел, не подвывал в тех словах и фразах, которым требуется придать особенную выпуклость, т. е. не впадал в шаржировку, свойственную декламаторам, лишенным чувства эстетической меры. С другой стороны, он не читал стихов как прозу, с остановками на точках среди стиха настолько продолжительными, что для слушателя утрачивается возможность наслаждаться плавностью, как бы музыкальностью пьесы и звучностью рифм <...> У Майкова <...> каждое слово выделялось с надлежащею полнотою, а между тем стихи оставались стихами, не сбиваясь на прозу» (А. Р. Былое. — Русская старина, 1901, № 11, с. 381). «Аполлон Николаевич превосходно читал стихи, — сообщает в своих воспоминаниях о нем С. Уманец, встречавшийся с поэтом в последнее десятилетие его жизни, — с большим мастерством оттенял он каждую фразу, придавал особый внутренний смысл простому иногда с первого взгляда слову» (Исторический вестник, 1897, № 5, с. 462). Познакомившийся с поэтом незадолго до его смерти П. П. Перцов вспоминал впоследствии: «От стихов дебютанта <Д. П. Шестакова> разговор перешел на стихи вообще, и, раскрыв том своих, Майков стал читать оттуда. Никогда, ни раньше, ни после, я не слышал лучшего чтения. Он читал чрезвычайно просто, медленно и выразительно и в то же время сохранял весь ритм и движение стиха (что обыкновенно смазывается). Валерий Брюсов говаривал, бывало, что каждый поэт читает хорошо свои собственные стихи — читает их именно так, как надо читать *и.т.* В общем это очень верное наблюдение, и Брюсов удачно иллюстрировал свои слова примерами Бальмонта с его нагло небрежным „бросанием“ стихов в публику или Мережковского с его эмфатическим „подвыиванием“. Он и сам читал свои стихи именно так, как надо читать

брюсовские стихи: повелительно-властным голосом, точно отдавая приказы по армии <...> Но Майков читал так, как можно читать всякие стихи, — или, вернее, он мог бы, мне кажется, читать хорошо чьи угодно стихи — с той же простотой и с тем же внутренним чувством. Особенно запомнилось мне в его чтении небольшое его стихотворение на смерть дочери (кажется):

Вот уж и гроб!.. и она
Тихо лежит меж цветов..

Вероятно, интимность переживания делала особенно выразительным чтение этого стихотворения.

Да, беспощадная смерть!..

уронил он последнюю строку с какой-то тяжестью, точно приговор судьбы...» (Перцов П. Литературные воспоминания. М.—Л., 1933, с. 113—114).

¹ «Самое важное, — говорил Майков, — это найти надлежащий топ, размер... Иной раз начинаешь писать и сам чувствуешь, как все это не то: не тот размер, какой нужно <...> Вот, например, я три раза начал и бросал „Брингильду“ — вижу, что не тот размер, и не могу идти дальше.. Наконец, после большого перерыва, размер сам нашелся, и все пошло хорошо» (Уманец С. Из воспоминаний об А. Н. Майкове. — Исторический вестник, 1897, № 5, с. 462—463).

² Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836—1905) — драматург, прозаик и критик, автор книги «О драме» (1892).

³ Писарев Модест Иванович (1844—1905) — драматический артист, педагог и критик; с 1885 г. в труппе Александринского театра.

⁴ Имеется в виду поэт Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913), автор исторической пьесы «Смута».

⁵ Т. е. Комитета цензуры иностранной. Майков исполнял обязанности председателя Комитета, а Полонский был младшим цензором.

15

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Никогда не должно отчаиваться. Сомневаться же в собственных силах всегда полезно. Никогда не должно уверять себя «я поэт» или «я посвящаю жизнь мою поэзии и литературе». Должно только, если чувствуется склонность и сказывается способность писать стихи, тщательно приготовить почву для развития таланта — если он вам дан, что и окажется в течении времени. Приготовить же почву надо приобретением познаний, по возможности правильным порядком, — гимназия, потом высшее учебное заведение, даже специальное. На каждом из этих поприщ стараться достигнуть высшей степени. Если избрали даже техническое занятие, стараться быть лучшим по своей части специалистом — это вводит вас в жизнь с людьми, в обращение с ними, — вырабатывает характер, в душе — закал, а есть он в душе, он отразится и в стихе. Из пустой души и звук пустой. Вот что я говорю всем поэтам, особенно юным, которые ко мне

обращаются за советом. С вами вместе и стихи и создания ваши будут крепнуть и совершенствоваться, хотя бы вы об них и не думали, а занимались бы своим делом. Хуже всего — малодушие и отчаяние.

В приложенных Вами двух стихотворениях есть стих, есть концепция — но еще это отзвуки на чужое: первое, как Вы и назвали, — подражание Анакреону, второе не назвали, но всякий скажет — Гейне, которому подражать опасно, манера чисто его, личная.

Желаю, чтобы слова мои послужили Вам в пользу.

А. Майков.

1889. 19 янв<аря>.

Шифр письма: ф. 168, № 17380, л. 38—38 об.

16

А. А. ФЕТУ

<Конец января—начало февраля 1889>.

Л<юбезный> д<руг> А<фанасий> А<фанасьевич!>

Твое письмо разом раскрыло сотни ран на моей совести, а уж я было стал их забывать. Дело в том, что ни на твоих лебедях, никому, ни на единый привет прошлого года — я *не ответил*.¹ Просбирался целое лето, некоторые письма написал, да и те не послал, ибо их надобно было переписывать. Для меня самый процесс писания — отвращение, и уж что нынче стали делать с списками исследователи литературы, глубокие психологи-психопаты, это уж совсем омерзило мне письмо.² Теперь же взялся за перо только в свою защиту. Я выразил в своих стихах тебе именно то, что люблю в твоих.³ Да на это свое свойство ты сам когда-то указывал. Помнишь ли, ты говорил, что только то и есть поэзия, когда поэт бросается с пятого этажа?⁴ Ну вот ты и бросался, и это-то меня всегда и пленяло и пленяет, и на это я и хотел указать в моем послании, попробовав сам пуститься за тобою. Благополучно ли пропутешествовал — не знаю. Пока еще боли не чувствую, но ведь она в таких случаях оказывается и не вдруг, и твое милое письмо, пожалуй, будет очень полезным бальзамом, как предохранительное средство. А как-то ты себя чувствуешь после всех этих передряг в последние дни? Дай-то бог, чтоб все обошлось благополучно.

Шифр письма: ф. 168, № 16694. В ИРЛИ хранятся еще одно письмо Майкова к Фету (ф. 241, № 13569), а также три письма Фета к Майкову

(ф. 168, № 16977). Публикуемое письмо является ответом на одно из них — от 29 января 1889 г.

¹ Речь идет о праздновании пятидесятилетия литературной деятельности Майкова в апреле 1888 г. и о стихотворении Фета «На юбилей А. Н. Майкова 30 апреля 1888 г.» («Пятьдесят лебедей принесли...»); напечатано в кн.: Вечерние огни, вып. 4, М., 1891.

² Это, по всей вероятности, отголосок статьи И. А. Гончарова «Нарушение воли». Правда, она была опубликована лишь через месяц, в мартовской книжке «Вестника Европы», но Майков мог слышать о ней и до ее появления в печати. Впрочем и до «Нарушения воли» раздавались голоса, протестующие против публикации писем писателей, особенно имеющих чисто личный, даже интимный характер. Об этом говорит сам Гончаров в своей статье. А обращаясь к М. М. Стасюлевичу с просьбой доставить корректуру для ознакомления ряду лиц, в том числе А. Ф. Кони, Гончаров замечает: «он был очень доволен, узнав, что я написал статью о *занимающем всех вопросе*» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 4. СПб., 1912, с. 208; курсив мой, — *И. Я.*). Еще раньше, 19 ноября 1888 г., на просьбу Фета о разрешении напечатать в своих воспоминаниях письмо Гончарова последний ответил отказом: «Et tu brute! восклицаю я в страхе и в трепете. Я ли не воевал словесно <...> против обычной печатать интимные письма, писанные к одному лицу и для *одного этого лица?*» (Русский архив, 1900, № 2, с. 69).

³ О стихотворении Майкова «А. А. Фету в день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.» («Когда, как бурный конь, порвавший удила...»). Напечатано в № 2 «Русского вестника» за 1889 г. 29 января 1889 г. Фет сообщил Майкову, что его и Я. П. Полонского послания, обращенные к Фету, похвалил Л. Н. Толстой.

⁴ Майков имеет в виду статью Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева». Характеризуя черты подлинного поэта-лирика, Фет писал: «Лирическая деятельность <...> требует крайне противоположных качеств, как, например, безумной, слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры). Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик. Но рядом с подобной дерзостью в душе поэта должно неугасимо гореть чувство меры» (Русское слово, 1859, № 2, с. 75—76). Эти взгляды на поэзию и поэта Фет сохранил в течение всей своей жизни. В 1890 г. Половский гостил в имени Фета и в письме к Майкову передал такие его слова: «Поэзия есть не что иное, как безумие, а потому она и ближе к истине... Если поэт не сумасшедший, то какой же он поэт!» (ф. 168, № 11753, л. 35).

17

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Милостивый государь!

Письмо Ваше и стихи я получил. В стихах есть нечто обещающее, и вместе с тем и полная» подготовленность в Вас с ними возиться, так что роковой вопрос, предложенный Вами, наполовину, мне кажется, решается, т. е. что бросать Вам «слушенье муз» — нет основания.

Другое дело другая половина вопроса — бросить все и *исключительно* отдаться литературе и поэзии. От эдакого решения избави бог всякого. Это верный путь к гибели, как и для дарования, если оно есть, так и <для> вообще всякого порядочного существования. Особенно поэзия чутка на этот счет. Не верьте ей — обманщица и губительница. Впрочем, с своей точки зрения она и права, ибо ни за что не допустит запречь себя в плуг как вола или извозчичью лошадь в дрожки, чтобы работать для Вашего прокормления и «доставления славы» и, конечно, — денег.

Она — одинокая, тайная гостья, убегающая тотчас, если чуть-чуть заметит, что вы хотите пользоваться ею для достижения каких-нибудь посторонних, особенно утилитарных целей, в смысле ли тенденции для проведения каких-нибудь направлений, идей и т. п., или с целью добывания насущного хлеба. Но труженика жизни она всегда готова утешить, лишь бы ее любить и не давать себя очерстветь. Поэтому я всем обращающимся ко мне с «роковым вопросом» говорю: старайтесь быть первым в вами избранной специальности труда; если у вас есть дарование поэтическое, оно только окрепнет по мере того как вы сами будете укрепляться и совершенствоваться в своей специальности; специальность, сводя вас с людьми, вырабатывает и в вас характер и независимый образ мыслей и знакомит с людьми, с психологией человечества, вводя вас в соприкосновение с общею жизнью.

Это же я скажу и Вам:

Пишите, не жертвуя делом.

Кроме своей специальности, обогащайте ум общим образованием.

На поэзии — никогда не делайте денежных расчетов.

«Отдаться литературе» — значит: начать с репортера, газетная работа по строчкам, чердак, кружок, узкоумие, а дальше — грязь и — нередко шантаж.

Вот куда часто приводят Музы, когда их употребляют как рабочую силу.

Резко выражаюсь, но — по совести и в виду многочисленных примеров.

В<есь> В<аш>

А. Майков.

1890, янв<аря> 24.

Посылаю обратно Ваши стихи с некоторыми пометами.

Шифр письма: ф. 168, № 17380, л. 57—58.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Милостивая государыня Софья Валериановна!

Вы мне задаете непосильную задачу — определить: есть ли «у Вас литературное дарование, какое по роду и в какой степени?». Далее: «отдавая литературному труду предпочтение перед всяким другим видом труда» и желая посредством его «иметь более обеспеченное положение», Вы желаете, чтобы я, в случае если признаю в Вас дарование, указал Вам «путь», каким бы Вы могли дойти до желанной цели.

Прежде всего я должен Вам сказать, что Вы обращаетесь к самому непрактическому человеку; я никогда не смотрел на поэзию как на труд, который должен меня кормить, хоть посвятил ей, могу сказать, всю жизнь свою, не щадя ни сил, ни времени для своего образования, для постоянного расширения горизонта моих знаний. Эти труды выработали у меня определенный, независимый взгляд на жизнь и мир и были моею трудовой, возделанною нивой, на которой и произросли сии немногие цветки поэзии, которые меня радовали, но являлись как-то как бы мимо воли моей, как результат трудов, предпринимавшихся с другою целью. Не говорю уже о том, что я никогда ни одного стиха не написал с какой-нибудь утилитарной целью; мне весело было, мучительно весело, рисовать образы, улавливать тайные движения сердца, делать ясными и видимыми сокровенные явления души. Всю жизнь свою я шел наперекор господствующим направлениям в обществе и в литературе, никогда не соблазнившись тем, что иной, противоположный, образ действий был бы гораздо выгоднее.

Вы, может быть, заключите из моих слов, что я мог это делать, потому что в жизни материальной был обеспечен. Никогда никакого обеспечения у меня не было. Отец мой был художник, дал детям хорошее образование, свои правила жизни и больше ничего. Мои насущные потребности удовлетворяла служба, а поэзия очень мало к тому прибавляла. Все, что я говорил до сих пор, вызвано у меня искренностью Вашего обращения ко мне, сердечным пониманием Вашего положения и своей беспомощностью дать Вам благой, практический совет, как руководство на страшном литературном поприще. Могу только одно сказать: не основывайте Вашего благосостояния на поэзии. Раз заставите Вы Музу готовить Вам кушанье, она озлится и уйдет. Хорошо еще, если не надсмеется над Вами! *Если у Вас окажется поэтическое дарование, оно скажется само собою, чем бы Вы ни занимались.*¹ Попробуйте *трудиться* в других родах. Вижу из письма, что Вы написали детский рассказ, и он был напечатан, следовательно

был признан того стоящим. Попробуйте продолжать. Присмотритесь, что нравится детям и ищите в той области. Избегайте аллегорий, анализов характеров, натянутой морали, чем большею частью отличаются дамские детские книжки, потому что, я видел на опыте, такие книжки детям не нравятся. Но и на этом поприще нужно особое призвание!

На присланном Вами листке с несколькими Вашими стихотворениями я сделал кой-какие заметки, почему и пересылаю Вам его обратно.

Шифр письма: ф.168, № 17380, л. 10—12.

¹ Майков не раз возвращался к этим мыслям. С. Уманец вспоминал: «Много, много нужно работать над талантом, — говаривал Аполлон Николаевич, — и из музыки не надо делать себе *кухарку*, которая должна вас *кормить*. Для этого найдите какое-нибудь занятие, службу — самое лучшее, а с поэзией должно обращаться бережно. Аполлон Николаевич находил, что служба, частная или казенная, вообще какое-нибудь место, занятие необходимы в жизни: они развивают практический взгляд, трезвость мыслей, вырабатывают характер и помогают познавать и правильно ценить людей» (Уманец С. Из воспоминаний об А. Н. Майкове. — Исторический вестник, 1897, № 5, с. 467). См. также письмо 17.